

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 8-9/56-57.

АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ 1938.

№ 8-9/56-57

СОДЕРЖАНИЕ :

Гайдар Баммат. Кризис Европы.

В. О. Великие державы.

Астемир. Год китайско-японской войны.

Тамбий Елекхоти. Россия и Япония на
высотах Чанг-Ку-Фенга.

Ген. Квинитадзе. Взятие Ардагана.

В. Оленин. Кавказские силуэты.

З. А. Французский Руставели.

** К событиям на Дальнем Востоке.

Обзор Печати.

Хроника.

Т. Елекхоти. Письмо в редакцию.

22 сентября.

КРИЗИС ЕВРОПЫ Драматические события последних недель в Чехословакии поставили Лондон и Париж перед необходимостью быстрых и окончательных решений.

Эффектное путешествие Чемберлена в Берхтесгаден и стремительное его возвращение свидетельствуют о том, что англо-французская дипломатия решила сделать свою последнюю ставку.

Едва ли можно сомневаться в том,

что английский премьер, перед политическим мужеством и инициативой которого нельзя не преклониться, убедился в том, что практиковавшимся до сих пор в Праге методам политического торга и военного блеффа надо положить конец, если Европа желает избежать катастрофы.

Еще несколько времени тому назад могло казаться, что миссия лорда Рэнсимена, заключавшаяся в том, чтобы

дать проблеме судетских немцев, приемлемое для них разрешение, в пределах Чехословацкой государственности, имеет некоторые шансы на успех.

Усилия английского "честного маклера" явно были направлены к тому, чтобы склонить пражское правительство признать принцип абсолютного равноправия всех населяющих Чехословакию народов и согласиться на переустройство "лоскутной" дунайской республики, по образу и подобию Швейцарии, в нейтральное конфедеративное государство на кантональных началах.

При создавшейся обстановке это решение, продиктованное соображениями элементарной справедливости, было тогда единственным, способным сохранить (на некоторое время) целостность нынешних уродливых границ Республики г. Э. Бенеша.

Однако против этого разумного компромисса, как некогда против злосчастного проекта Самюэль Хор - Лавалья — во время Абиссинской трагедии — поднялся настоящий вой, и как раз в тех самых международных кругах, которым бывший негус обязан потерей своей страны и короны.

Конечно, как всегда, если речь идет о возможности зажечь пожар общеевропейской войны, руководящую роль играла в кулисах Москва.

Все газеты обошло на днях известие, что Сталин в решительной форме потребовал от пражского правительства, чтобы оно не шло ни на какие дальнейшие уступки судетским немцам, угрожая, в противном случае, остаться в стороне от

конфликта при возможных международных осложнениях.

Обычно хорошо осведомленные женевские корреспонденты парижских газет "Матэн" и "Журналь" сообщили, что заменяющий сейчас на Сессии Лиги Наций лорда Галифакса г. Батлер имел резкую беседу с Литвиновым. Товарищ министра иностранных дел Великобритании обвинял советское правительство в интригах против миссии лорда Рэнсимена и возложил на агентов 3-го Интернационала ответственность за ряд кровавых инцидентов, имевших место в Судетах.

***

Благодаря ловкой пропаганде, ведущейся в течение последних 20 лет на столбцах всех либеральных газет Европы и Америки в некоторых международных кругах стало прописной истиной считать Чехословакию самым совершенным демократическим государством, сумевшим реализовать у себя доселе нигде невиданное благополучное сожительство самых разнообразных народов, объединившихся в его лоне.

Реальная картина, увы, была очень далека от этой, аккредитированной официальной ложью дешевой олеографии.

Не только немцы, венгры, поляки и русины, но даже словаки, наиболее тесно связанные и кровными узами, и совместной политической борьбой с чехами, были безцеремонно обмануты и угнетены господствующей нацией.

Делавшиеся ими внутри страны попытки добиться улучшения своей на-

циональной участи как и все жалобы в Лигу Наций оставались без результата. Престиж Массарика и Бенеша в европейских канцеляриях и в Женеве и в доминирувавших за их кулисами оккультных организациях был настолько высок, что голос угнетенных Прагой национальностей не доходил ни до чьего слуха.

Понадобилось головокружительное восхождение Гитлеровской Германии для того, чтобы судетские немцы, венгры, словаки, поляки и русины могли наконец приобрести право на внимание Европы.

***

В одном из многочисленных мемуаров представленных Чехословацкой делегацией Парижской мирной конференции, а именно в меморандуме от 5 февраля 1919 года г. Бенеш заявлял: "Немцы Богемии будут пользоваться теми же правами, что и чехи. Немецкий язык будет вторым государственным языком. Режим нового государства будет аналогичен режиму Швейцарии".

Президент Вильсон, который является по существу настоящим духовным отцом Чехословакии, повидимому, чувствовал некоторую неловкость отдавая 3½ миллиона немцев на произвол Праги, и предложил плебисцит в этом районе.

Чтобы успокоить сомнения совестливого президента и избежать опасного плебисцита, 20 мая того же года тот же г. Бенеш сделал следующую декларацию:

"В организации нового государства

правительство обеспечит за национальностями те права, которые предусмотрены конституцией Швейцарской республики".

Что стало со всеми этими торжественными обещаниями?

Что стало с Питсбургским пактом, обеспечивавшим автономию Словакии? Как реализовало Пражское правительство предусмотренную конституцией автономию Прикарпатской Руси?

Чешское правительство не только не сдержало этих торжественных обещаний, но в течение почти двадцати лет оно не переставало угнетать народности, которые благодаря безумию творцов С.-Жерменского договора, оказались под его ярмом. Такой умеренный, и взвешивающий свои слова публицист, как главный редактор "Жура" Леон Бэльби, которого никак нельзя заподозрить в преувеличенных симпатиях к немцам, нашел возможным написать: "...Чехословакия, в особенности в отношении судетских немцев допустила преследования, недостойные цивилизованного народа"...

***

События развиваются в Чехословакии с головокружительной быстротой. Эра переговоров партии Гейнлейна с пражским правительством и английского посредничества уже в области прошлого.

Гражданская война фактически началась. Чехословакии, как организованного государства, уже больше не существует. Прага больше не контролирует

всей территории Республики. В приграничной полосе Судетского района формируется национальная армия судетских немцев, находящаяся в состоянии потенциальной войны с центральным правительством. Лондон и Париж пришли к соглашению о необходимости изменения самых границ Чехословакии. Если в ближайшие дни Прага не уступит по всем пунктам вмешательство немецкой армии для установления порядка в Судетах и аннексия области едва ли может подлежать сомнению. Вопрос осложняется еще вмешательством правительств польского и венгерского.

***

Проблема национальностей в Чехословакии действительно очень запутанная проблема. Совершенное ее разрешение если не невозможно, то весьма трудно.

Но центр тяжести Судетского, Словацкого, венгерского и других стоящих на очереди вопросов, отнюдь не в проблеме национальностей.

Великим "демократиям", если оставить в стороне лицемерную риторику, рассчитанную на международную политическую галерею, в конечном счете мало дела до судьбы пестрого конгломерата народов, составляющих Чехословацкую республику.

Острый интерес, проявляемый Лондоном, Парижем и Москвой к сохранению целостности и единства Республики Бенеша, продиктован политико-экономическим и стратегическим значением Богемии.

В том виде, в каком в течение 20 лет существует Чехословацкая республика с

обезличенной гегемонией чехов над инациональными меньшинствами (которые в общей сложности составляют большинство) — это государство обслуживало определенную задачу политического и стратегического окружения Германии. Оно было искусственно созданным барьером — призванным преградить пути естественного экономического и политического роста Германии в направлении Центральной и Южной Европы...

Пользуясь тривиальным термином, Чехословакия, связанная военными союзами с Францией и советской Россией, была "револьвером, направленным в сердце Германии".

На эту роль весьма ярко указал накануне в Праге бывший министр воздухоплавания Франции Пьер Кот, заявивший, что Богемия является авиационной базой для разрушения промышленных центров Германии...

Неизбежная утрата Чехословакией ее политико-стратегического значения в случае потери чешским элементом его гегемонии над остальными народами республики, означает в недалеком будущем экономическую и политическую экспансию Германии на Восток...

Примирятся ли с этим великие державы? А если не примирятся, то способны ли они с оружием в руках воспрепятствовать Германии осуществлять намеченные задачи? Весь вопрос сводится к этому.

***

Современная война, которая требует колоссального напряжения моральных и

материальных сил всей страны и неисчислимых жертв людьми — предполагает неизбежность некоей моральной базы.

Надо признать, что такой базы для войны против Германии ни во Франции, ни в Англии нет.

Германия выступает в настоящем конфликте в качестве паладина тех самых моральных принципов, во имя которых Западно-Европейские демократии, по их словам, вели 20 лет тому назад мировую войну.

***

В “Аксион Франсэз” от 15 сентября 1933 г. в статье озаглавленной “Германия борется против нас нашим собственным оружием”, Ж. Дельбек весьма кстати напомнил, что: “право на самоопределение народов было впервые провозглашено во Франции и во Франции же оно нашло свое первое применение при присоединении Савойи в 1792 году. С тех пор мы имели плебисцит 1860 г. (опять Савойя и графство Ницца) и все остальные плебисциты, имевшие место после Версальского трактата до последнего плебисцита в Саарской области. Что же происходит сейчас? Просто на просто Фюрер обернул против нас оружие которое мы выковали. Признаем, что здесь нет никакого нарушения правил лойяльной войны... Вопрос не в том продиктовано ли его желание освободить богемских немцев от чешской “тирании” только одним желанием дать удовлетворение национальным стремлениям судетских немцев или прикрывает планы германской гегемонии в Центральной Ев-

ропе. (Обе гипотезы нисколько не противоречат друг другу, наоборот отлично восполняют одна другую). Я только констатирую, что священный ужас демонстрируемый нашими демократами при мысли о плебисците в Чехословакии не лишен некоторого комизма... Я нахожу, что люди, при каждом удобном случае кричавшие о святости некоторых принципов, не имеют решительно никакого права возмущаться когда другие, искренно или нет — безразлично, орудут этими же принципами”...

Ту же мысль на днях блестяще развил Стефан Лозан. Указав, что Франция в свое время согласилась на плебисцит в Саарской области, а Германия в Силезии, главный редактор газеты “Матэн” считает недопустимым, чтобы г. Бенеш, только потому, что за ним стоит подстрекающая его Москва, отказывался от способа, к которому две такие великие державы, как Франция и Германия, сочли возможным прибегнуть, когда речь шла об их собственных интересах...

Конечно есть на левом фланге французской общественности, в особенности в том секторе, который получает политические свои директивы от социалистических интернационалов, очень активные круги, усердно толкающие Францию к активному выступлению...

Едва ли однако можно сомневаться в том, что широкие крестьянские массы Франции, на плечи которых выпала бы вся тяжесть войны, нисколько не разделяют боевого задора этих демагогов.

Гайдар Баммат.

В. О.

Великие державы

В трагически-грозовой атмосфере протекала жизнь Европы за эти последние две-три недели. Слухи, один тревожнее другого, зловеще ползли отовсюду. Вечером, отходя ко сну, каждый спрашивал себя — не проснется ли он уже в военной обстановке общей мобилизации. Ведь теперь торжественных деклараций объявления войны не требуется, — боевые действия начинаются сразу.

Но каковы же, на самом деле, причины такой психологической напряженности? Действительно ли имеются налицо неустранимо серьезные поводы для нового общеевропейского и даже мирового кровопролития, конечно, при нынешних технических средствах гораздо более страшного, чем все то, что было пережито за роковые четыре года недавней великой войны?

Положение судетских немцев в Чехословакии? Те или другие границы этого уродливо сложного новообразования, столь неудачно созданного творцами Версальского и других договоров, из которых уже, пожалуй, большая часть нарушена и отжила свой век?

Неужели же это так важно, что лучше сейчас, во имя сохранения чехословацкого "статус кво", пожертвовать всем нынешним достоянием человечества, его многовековой культурой, мирным развитием и преуспеянием населения, миллио-

нами и даже десятками миллионов человеческих жизней, лучшим, самым молодым, физически и морально здоровым отбором человечества? Какое безумие!

Вот, что заставило призадуматься ответственных руководителей европейской политики, что заставило величественного старца, мощного умом и духом, впервые на семидесятом году жизни внезапно сесть на аэроплан и отдаться воздушной стихии для полета вглубь континента. "Наш добрый, старый Чемберлен!"...

И вздох облегчения пронесся по всему миру. Атмосфера разрядилась сразу. С сугубой верой в неизбежность божественного милосердия присутствовали религиозные люди на священных молениях всех культов, возносимых за ниспослание мира, а неверующие или просто далекие от церкви сами по себе поняли и почувствовали, что мировой войны уже не будет. Инцидент так или иначе сумеют локализовать, найдут на этот раз способ избежать всеобщей бойни.

Но где именно коренится та основная ошибка европейской политики, которая делает столь легким и возможным обострение отдельных неизбежных вопросов в жизни государств до размеров мирового гильотинирования? Неужели же культурные народы Европы, ея руководящие великие державы не могут и дей-

ствительно не сумеют найти путей взаимного сближения и противопоставить какой-то искусственно раздуваемой идеологической борьбе блоков естественную для всех волю к мирному сожительству и хотя бы временному («ничто не вечно под луною») соглашению по основным спорным вопросам международной жизни и политики?

Думается нам, что это задача разрешимая.

**
*

Могущественна и по праву горделива Великобритания. По всем океанам, по всем морям, проливам и морским каналам, во всех портах, самых отдаленных, нашей планеты, гордо реет ее издали всем хорошо знакомый флаг, как символ непререкаемого и мощного великодержавия. Богата ее государственная казна, сытно и жирно ест, хорошо, в тепле и довольстве живет каждый природный англичанин во всех континентах, где находятся его дело и семья. Всякий может себе и своему потомству обеспечить полное благосостояние, если только задастся этой целью. Довольство проходит по всем классам населения и по внешнему виду не всегда даже скажешь, к какому именно из социальных классов принадлежит этот человек. Как выразился поэт:

Вот он у пристани с трубкой во рту,
Смотрят глаза непреклонно и гордо,—
Это потомок богатого лорда,
Или рабочий в торговом порту?...
Все пути открыты англичанину...

Могущественна и по праву может гордиться и своим положением и всем

своим прошлым чарующая, полная кипучей жизни Франция. Многовековая, славная история, полная больших побед и завоеваний, и на мирном поприще и на поле брани. Париж — этот поистине город-светоч, веками не утративший этого своего ореола, один из главных центров мировой цивилизации, город кипучей жизни, науки, искусств. Франция может себе позволить роскошь обостренной внутренней политической борьбы,— таковы традиции ее свободолюбия, ее широкой терпимости. Она знает, что в минуту опасности все эти распри будут забыты, что каждый француз, каковы бы ни были его убеждения и счеты с нынешним правительством, выйдет на защиту родины и выведет за собою своих младших братьев и сыновей. И Франция очень-очень богата. Она вправе быть как угодно расточительна, ей не приходится считать каждую корку хлеба, каждую мясную кость, каждую жестянку от консервов. Она шутит и каламбурит, от нея далека мысль, что жизнь — трагедия. Как выразился поэт:

В огнях бульваров, в золоте вина,
Мерещится ей жизнь какой-то шуткой,
Она не знает ненависти жуткой,
Доверчива и радостна она...

Но не надо забывать, что Франция, как и Великобритания, владеет лучшими в мире колониями, при чем пути сообщения ей еще удобнее, — в ее распоряжении громадная часть Африки, тут же, около. И какие благодатные, какие плодородные страны. Хорошо и сытно живет средний француз — создав лучшую в мире кухню, самую тонкую, самую изы-

сканную, гармоническую, как музыка, как подлинное искусство, он не может себе представить, как это сесть за стол без положенного многоблюдного меню, без мяса, овощей и сыра, не говоря уже о хлебном изобилии, без доброго литра крепкого красного вина.

Счастливая, богатая Франция.

Но великолепна рядом и пленительная, солнечная Италия.

“Ах, что за небо, ей Богу, над этим классическим Римом!” — сказал поэт.

Рим — колыбель европейской культуры, самого понятия мощной европейской государственности, твердого законного правопорядка. Латинский язык был языком всех грамотеев, всех служителей науки на протяжении долгих веков, римские юристы положили основы всего нашего правопонимания. Венеция, Генуя и другие торговые города средневековья развили мировую деятельность, дав сохранившиеся по сей час понятия и учреждения промышленного оборота и торгового кредита. В области искусства — это сплошной музей цветных полотен и мрамора, это вечный гимн незамирающих сладкозвучных итальянских мелодий.

Италия жила полной жизнью, предаваясь радостям бытия, она забыла, что их надо охранять, что она раздроблена и беззащитна перед лицом воинственных вооруженных соседей. И вот явились патриоты — объединители, цѣпь которых завершена теперь большим вождем, зорким и бдительным, который выдвинул Италию на подобающее ей место, вновь облачил в Кесарскую тогу прежнего римского величия, стремясь ей

завоевать все то благополучие, которым пользуются сильные и богатые.

Дело Муссолини, конечно, еще не завершено, но после завоевания Абиссинии он все же сказал, что Италия переходит теперь в разряд наций удовлетворенных. Во всяком случае, национальные ее границы оформлены.

В каком же положении находится и должна была по Версальскому миру на веки вечные пребывать такая же великая нация, только еще более многочисленная, чем другие, с неменьшими перед человечеством заслугами — Германия? Великое культурное прошлое, могучий, совершенно сказочный, рост за последнее столетие, великие традиции гордого национального духа и большой испытанной воинственности. Вклад Германии в общечеловеческую культуру огромен, сложилась она из областей единого родового корня и языка, из которых каждая в отдельности явила на протяжении веков чудеса самого разнообразного творческого гения. За последние десятилетия она скрепила себя броненосным покровом невиданной дотоле военной мощи. Перед великой войной Германия гордо выступила, завоевывая себе права на мировом промышленном и торговом рынке по всем континентам и океанам. Дух инициативы, вдумчивый ум, предприимчивый капитал, молодой смелый патриотизм — все это служило согласнo и дисциплинировано для завоевания родине подобающего ей места под солнцем.

Разумно ли было думать, что такую страну можно раз навсегда пришить начертанным на бумаге приговором по-

луголодного грустного существования, лишенного надежд унылого прозябания изо дня в день? Что можно поработить этот гордый беспокойный дух такой же великой нации, как и те, которые ей диктовали новые условия? Что не наступит год, и год, конечно, недалекий, когда вновь начнет вставать во весь рост униженный и поверженный титан, собирая и выпрямляя раздробленные члены?

Вот, где основная ошибка, в которой долго упорствовали, и которую начинают понимать и по настоящему сознавать только теперь.

Мощь и богатство Великобритании и Франции бесспорны, Италия на пути, быть может уже при завершении своих государственных требований, но Германия еще даже не осуществила первого этапа своего национального собирания и объединения народных сил. Неужели можно думать, что немец примирится с тем, чтобы навеки вечные считать каждый кусок картофеля и каждый глоток пива, каждый старый гвоздь? Чтобы быть самым бедным в Европе народом, замкнутым, как в тюрьме, в урезанных границах послевоенного территориального размежевания без права двинуться в каком либо направлении? Чтобы все время повиноваться окрику: руки прочь! ни с места! Чтобы всякая инициатива была подчинена общему контролю?

Покуда не найдены будут пути и способы, чтобы сговориться по поводу всех этих вопросов великим державам Европы, — мир будет постоянно, ежедневно, ежеминутно переживать те страшные тревоги и потрясения, которыми полна жизнь последних лет, последних месяцев.

И чем дальше, тем все сильнее и сильнее. Война будет непрестанно реять в воздухе, отравляя всякий творческий труд, всякую нормальную жизненную заботу и радость.

А ведь задача, конечно, разрешима, если только к ней подойти не путями принуждения, приказа и запрета, а с действительным намерением великих держав признать себя равноправными, одинаково требующими обеспечения национальной жизни и дальнейшего развития.

Чехословацкий вопрос — это только одна страница в развертывании новейшей истории, современниками которой мы являемся. Он может быть разрешен лишь на этих путях спокойного и разумного сговора с признанием прав и сфер влияния великих и сильных европейских держав, от которых зависят судьбы войны и мира. Тут необходимо какое то размежевание сфер, какое то взаимное соглашение "вашего и нашего". Нечего добавлять, что в вопросе этом заинтересованы все соседние страны Средней Европы, но мы сейчас говорим о главном — о соглашении великих держав.

Повидимому, после пережитых мятельных дней напряженного кризиса, сознание, еще не совсем ясное, но уже смутно осязаемое и улавливаемое, выходит именно на этот путь. Великия державы Европы начнут сообща решать великие вопросы их европейского существования, и решать не путем угрозы мировой войны по каждому отдельному случаю, а путем совместного равноправного сговора.

Есть еще один, весьма важный и зна-

менательный показатель действительно, а не мнимого и кажущегося просветления: Москва совершенно устранена из нынешних предстоящих переговоров по устройению Европы. О Москве и не вспоминают.

Нам уже приходилось на это указывать на страницах "Кавказа". Москва изолируется руководителями европейской политики, отстраняется все далее и далее от европейских дел.

Вероятно в самой Праге уже поняли, наконец, увидели воочию, чего стоят московские обещания и московская военная помощь и не к Москве Прага за последнее время взывала. Теперь чехи задним числом принуждены будут понять все роковые ошибки своей изолированной от соседей, заносчивой и вызывающей политики.

А ведь если принцип национального самоопределения будет, все более и бо-

лее расширяясь, положен в основу нового территориального распределения, то не судьбою, а подсудимым в этом деле должна явиться Москва, держащая под своим ненавистным игом и кровавым гнетом десятки миллионов закрепощенных ею народов, имеющих неотъемлемое естественное право самостоятельно располагать своею судьбою. Восток Европы — это та территория, которая еще подлежит неизбежному новому перераспределению. Страницы нового тома европейской истории только-только начинают разворачиваться.

И мы хотим верить, что великие державы Европы найдут, наконец, общий язык, чтобы, мало по малу, признавая взаимное равноправие, мирно сговариваться, дабы положить, наконец, основы и начала более или менее прочного и длительного международного политического правопорядка.

В. О.

АСТЕМИР.

Год китайско-японской войны

7 ИЮЛЯ исполнился первый год китайско-японской войны.

Срок сравнительно короткий, в особенности если принять во внимание мировую войну, продолжавшуюся в течение 4 лет.

А сколько перемен произошло за

этот период времени в международной политике и в положении на Дальнем Востоке.

Японские войска заняли наиболее важные в политическом, экономическом и стратегическом отношениях населенные пункты и районы Китая, отрезали внутренние области от моря, разбили

на голову регулярные китайские силы, прервали пути сообщения между Китаем и Советским Союзом через Монголию, уничтожили первоначальный китайский воздушный флот и т. д.

Одновременно японцы организовали новое китайское правительство, соперничающее с правительством Куоминтанга и Чан Кай Шека и стремящееся к тесному сотрудничеству с Японией в борьбе с коммунистической агитацией Москвы на востоке Азии и в совместной эксплуатации природных богатств Северного Китая.

Остается занять еще всего два пункта — Ханькоу и Кантон, чтобы японцы могли считать войну оконченной. После этого японские войска могут прекратить наступательные действия и ограничиться обороной находящихся под их оккупацией пространств.

Задача администрации в занятых областях будет тем более легкой, что японцы не стремятся вовсе к созданию из Китая колонии. Колониальную политику Япония не применяет даже в Манчжуко, так как считает для себя более выгодной политику сотрудничества с местными капиталами и людьми в эксплуатации природных богатств. Япония ищет рынков сбыта для своих фабричных товаров и источников сырья для своей промышленности. Развитие индустрии является, как известно, единственным якорем спасения для перенаселенной Японии, страны чрезвычайно обнищенной судьбой в отношении земледельческой культуры и ископаемых минералов.

Поразительно, с какой легкостью

Япония добилась в Китае успехов. Нельзя забывать, что она не прибегала до сих пор к всеобщей мобилизации, позволяющей довести численность ее армии до 7 миллионов (без Кореи и Манчжуко).

В каком же положении находятся Чан Кай Шек и его правительство?

После жестокого поражения под Су-чжоу его окружение совершенно потеряло голову.

Куоминтанг, стремившийся после прошлогоднего своего с'езда избавиться от всяких влияний крайних элементов, подпал под контроль не только своих, китайских, коммунистов, но и Москвы и Третьего Интернационала. Чан Кай Шек, старый и завзятый враг коммунистов, боровшийся с ними в течение 10 лет (с 1927 г.), вынужден искать помощи, моральной и материальной, у Советов. Лишенное всяких доходов внутри страны, правительство его обречено на медленное угасание с каждым днем. Вчерашние сторонники постепенно его покидают. Южные провинции (Кантонская или Квангтунг и Квангси) готовы отложиться. В Китайском или Восточном Туркестане, составляющем единственную область, через которую он может сообщаться с Советском Союзом, происходят волнения местного мусульманского населения, стремящегося освободить свою страну одновременно от китайцев и русских.

Положение Чан Кай Шека сейчас столь отчаянно, что он вынужден, по указке московских советников, срывать плотины и затапливать огромные пространства, думая этим остановить поход

японской армии против Ханькоу, своей временной столицы. Однако, безумный поступок не причинил особенного вреда японцам и не остановил их движение вперед. Зато подверг опасности жизнь миллионов китайцев, коим сейчас грозит страшный голод.

С другой стороны, в случае дальнейших неудач, Чан Кай Шек станет несомненно жертвой сегодняшних своих друзей-коммунистов, мечтающих захватить власть в свои руки и создать в Китае очаг революции для всей Азии.

Китайско-японская война привела также к глубоким международным переменам не только на Дальнем Востоке, но и в Европе.

Прежде всего Япония заняла в восточной Азии господствующее положение. Ни одна западная великая держава не решилась вмешаться открыто в войну. Англия, Соединенные Штаты и Франция помирились с фактом японской гегемонии на Дальнем Востоке и являются сейчас только зрителями совершающегося на их глазах великого исторического процесса. А между тем, эти государства имеют в восточной Азии чрезвычайно жизненные политические и экономические интересы, нуждающиеся, по их убеждению, в защите против японской экспансии.

Почему же великие державы бездействуют? Только потому, что в Европе политическое положение внушает им тревогу. Испанская драма является одной из причин бездейственной политики так называемых демократических народов. Другую, гораздо более важную причину составляет образование анти-

коммунистического блока с участием Германии, Италии и Японии. Антикоммунистическая идеология этого блока приобретает постепенно приверженцев и в странах "демократических", покровительствующих сознательно или бессознательно большевикам и закрывающих глаза на нестерпимый гнет Москвы над многочисленными подвластными ей народами. Казалось бы, что демократические державы должны были бы сочувствовать этим жертвам безумной диктатуры Сталина и его русских и еврейских приспешников. В действительности же положение таково, что поработенные народы Советского Союза ищут и ждут помощи прежде всего от государств антикоммунистического блока.

Москва прекрасно знает, что внутри и вне советской тюрьмы растут и развиваются силы, способные раздавить коммунизм. Москва знает также, что Япония не остановится ни перед чем, чтобы искоренить растлевающее влияние Коминтерна в восточной Азии. Знает она и то, что победа Японии в Китае приведет к тесному сотрудничеству китайского и японского народов. Такая перспектива не улыбается, конечно, Советам.

Этим именно и объясняется, что Москва тайно поддерживает Чан Кай Шека. В сущности Москва ведет сейчас войну чужими руками, проливая чужую кровь. Это и более удобно и безопаснее.

Поэтому надо полагать, что Советский Союз будет по мере надобности увеличивать свою помощь Чан Кай Шеку и оружием и инструкторами. Москве полезно, чтобы война в Китае не прекращалась, так как она исчерпывает силы Японии и отодвигает опасность не-

посредственного с нею столкновения Советов.

Спрашивается: не прозрела ли еще Япония, не поняла ли она московскую игру и позволит ли большевикам вести эту игру и впредь?

Думается, что никто уже в Японии не сомневается в том, что надо наконец, положить предел советской провокации.

***

Теперь перейдем к другой стороне китайско-японского конфликта, к вопросу, который занимал всех в самом начале войны, который и сейчас всех интересует: способна ли Япония вести войну еще в течение нескольких лет?

На этот вопрос ответить легко, так как японские экономисты подвергли его очень тщательному исследованию. Рядом с ним возникает и другой вопрос, — каковы финансовые ресурсы Китая и долго ли Чан Кай Шек способен сопротивляться?

Отвечая на этот последний вопрос, достаточно указать на то, что половина доходов Китая сосавляли в мирное время таможенные пошлины, взимаемые в портах. Но все главные порты, за исключением Кантона, уже заняты японцами, и поэтому вышеупомянутый источник уже совершенно изсяк. Японцы оккупировали также все промышленные центры страны. Под контролем японских войск и нового пекинского правительства находятся и наиболее населенные и богатые области. Торговля с иностранными государствами почти совершенно прекратилась. Население лишено поэто-

му возможности вывозить свои сельскохозяйственные продукты. Все это указывает на то, что население, которым еще управляет Чан Кай Шек, обеднело и разорилось и не в состоянии платить налогов. Попытки же его правительства заключить за границей займы не удались. Недавно еще пыталось оно, напр., получить кредиты в Лондоне, но безрезультатно. Поэтому касса Чан Кай Шек пуста, и если бы не материальная и военная помощь Москвы, сопротивление его армии давно бы уже прекратилось.

Что же касается Японии и ее финансовых возможностей, то о них мы можем судить по точным цифрам, опубликованным до сих пор в японской и заграничной печати.

Прежде всего, до 31 марта 1938 г. стоимость кампании в Китае оценивается в 2.560 миллионов иен. Если бы война продолжалась до 31 марта 1939 г., расходы эти возросли бы до 7.400 миллионов.

Рассматривая эти цифры, японские экономисты считают, что они являются не такими высокими, как расходы держав, участвовавших в мировой войне. Державы эти израсходовали в течение 4 лет войны (1914-1918) около 44% всего народного достояния: Англия — 46,6 проц., Франция — 55,9 проц., Италия — 41,8 проц., Россия — 45 проц., Германия — 44,9 проц. и Австро-Венгрия — 37,5 проц.

Так как народное достояние Японии (без Корен, Формозы и др. колоний) оценивается в 120.000 миллионов иен, то Япония, в случае надобности, могла бы также израсходовать в течение 4-лет-

ней войны 52.800 миллионов иен, что составляет 13.200 миллионов иен в год. Но первый год войны стоил Японии всего около 3.000 миллионов иен, а два года будут стоить около 8.000 миллионов. Таким образом, Япония могла бы вести войну в течение еще 6-7 лет.

Никто, конечно, не может предполагать, что Чан Кай Шек будет в состоянии сопротивляться в течение еще нескольких лет, если, конечно, не произойдет каких либо новых событий, меняющих обстановку на Дальнем Востоке.

Астемир.

ТАМБИЙ ЕЛЕХОТИ.

Россия и Япония на высотах Чанг-Ку-Фенга

ВООРУЖЕННОЕ столкновение между Советами и Японией, возникшее из-за холма Чан Ку Фенг и заключенное вслед за этим перемирие между обеими державами, заслуживают того, чтобы и нам, представителям угнетенных в СССР народов, разобраться по своему как в обстоятельствах, вызвавших этот инцидент, так и в обстоятельствах, сопровождавших перемирие, и сделать соответствующие выводы.

Лишь только мы закончили серию статей о русско-японском соперничестве, как русско-японские отношения претерпели еще одно очень серьезное испытание. Имевшее место у Чан Ку Фенга столкновение продолжалось месяц. По существу была маленькая война с пехотой, артиллерией, танками и сотней аэропланов. Остроумные журналисты называли ее "пробой сил". Очень важно, однако, установить, кто хотел и кому нужна была эта "проба сил". Вот

этот кардинальной важности вопрос так и остался невыясненным, как в информации, сообщенных мировой печатью, так и со стороны русской, хотя Москва, конечно, пыталась приписать вызов Японии. В соответствии с политическими чаяниями в разных эмигрантских кругах к этим событиям сложилось разное отношение. В то время, как в русских империалистических кругах левого крыла очень довольны состоявшимся перемирием, в правых кругах, наоборот, очень огорчены тем, что маленькая война не развернулась в большую. По мнению первых условия перемирия "спасли престиж России", как великой державы и предотвратили ее возможный распад в результате войны. По мнению же вторых лишь только настоящая внешняя война приведет к падению большевицкого режима.

Я принадлежу к тем, которые встретили заключение перемирия с удоволь-

ствием, но совсем не по соображениям, руководящим чувствами русской эмигрантской общественности левого крыла.

Во первых, большое заблуждение думать, что заключенное перемирие стало "престиж России". Терять можно, когда есть, что терять. А можно ли объективно говорить о каком либо престиже Сов. России? Русский народ потерял всякий престиж уже тогда, когда призвал к власти международных революционеров, позволил этой кучке людей себя оседлать, и согнуть многомиллионный народ "в бараний рог". Этот народ "с престижем" вот уже на протяжении двадцати лет позволяет себя расстреливать и арестовывать ежедневно тысячами. Во вторых, я совершенно не считаю угрозу распада России отвращенной. Если раньше можно было лишь предположительно говорить о возможном распаде России, то теперь после "пробы сил" на Дальнем Востоке уже можно говорить с полной убедительностью о неизбежности этого распада. Вот почему перемирие наполнило мою душу чувствами, полными надежд. Теперь больше, чем когда либо, можно верить в грядущее освобождение Кавказа и других угнетенных народов. События у Чан Ку Фенга показали, что "не так страшен чорт, как его малюют". Мы так же совершенно не верим, как в том хотели нас убедить некоторые органы русской прессы, что "пробу сил" устроили японцы. Японцам нечего и не за чем было устраивать этой "пробы сил". Они достаточно заняты в Китае и было бы нелепо именно теперь начинать борьбу с Советами. Как раз наоборот.

В Москве прекрасно понимают, что

русско-японское столкновение рано или поздно неизбежно, а стало быть объективно никогда не представится более благоприятного момента для нападения на Японию, чем теперь, когда эта последняя надолго занята в Китае. "Проба сил" таким образом нужна была большевикам, которым очень важно было выяснить, хватит ли у японцев "пороха", чтобы вести войну на два фронта. Москве необходимо было проверить, как стала бы Япония реагировать, если бы Москва приняла более откровенное и активное участие в японо-китайском конфликте. Для этой цели большевики внезапно заняли пограничный стратегический холм Чан Ку Фенг и стали его под шумок осваивать и укреплять. Делалось это из расчета, что если Япония завязла в Китае и ослабела, она закроет на этот маленький захват глаза, и тогда момент был бы признан подходящим для вмешательства в японо-китайскую войну. Но если у Японии есть еще достаточно "пороха в пороховницах", то она, конечно, ни в коем случае не допустит подобного захвата. Выражаясь военным языком, это была со стороны Советов разведка, и как полагается всякому разведывательному отряду — надо доводить разведку до конца, до соприкосновения с противником. Кроме того Москве нужно было выяснить вопрос и о том, на кого она может рассчитывать в войне с Японией. В данном конкретном случае большевики имели в виду выяснить позицию Америки, на поддержку которой у них были серьезные основания рассчитывать.

Но для Японии центр тяжести находился, конечно, в вопросе престижа. Не

взвизывая на войну с Китаем, она ошети-
нилась и выбросила большевиков с Чан
Ку Фенга, показав им, что Манджуко не
тот Китай, которому Петербург препод-
носил, какие ему угодно договоры, и
прописав такой урок, предложила за-
тем успокоиться и лучше подписать мир.
Как известно, в Москве очень бряцали
оружием, и японские мирные предложе-
ния не встретили там по началу должно-
го и видимого сочувствия. В Европе в
этом усмотрели могущество и подготов-
ленность Советов к большой войне, а на
самом деле там ждали известий из Ва-
шингтона. Москва полагала, что русско-
американско - Чан Кай Шековский блок
должен осуществиться теперь или ни-
когда. Велико было разочарование в
Москве, когда Вашингтон вместо союз-
нической помощи преподал Москве энер-
гичный совет прекратить игру в вой-
ну у Чан Ку Фенга и сидеть мирно. Ма-
ло этого, Вашингтон побудил к анало-
гичным представлениям в Москве и Па-
риж, и Лондон. После такого вмеша-
тельства, убедившего Москву, что у нея кро-
ме Чан Кай Шека, других союзников в
данном случае быть не может, не ожи-
данно для всего мира Литвинов очень
легко и быстро подписал перемирие.
Чтобы понять поведение Вашингтонско-
го правительства, не бесполезно будет,
хотя бы в нескольких словах, нарисовать
картину русско-американских взаимоот-
ношений.

***

Американские Штаты — единствен-
ная великая держава, которая с перво-
го момента революции заняла позицию
защиты неприкосновенности российской
территории; эту позицию Америка за-

щищала и на Версальском конгрессе. По
этим же соображениям Америка не со-
чувствовала и образованию на террито-
рии бывшей России новых независимых
государств. В 1920 году она вынудила
Японию очистить занятые этой послед-
ней области. В 1930-31 годах, когда на-
чалось японское наступление в Манджу-
рии, Америка не будучи членом Лиги
Наций, назначила тем не менее своего
представителя для участия в работах
Лиги, занимавшейся в то время по жа-
лобе Китая манджурским вопросом. Но
японская акция не ограничилась созда-
нием независимого манджурского госу-
дарства. Дипломатического вмеша-
тельства Америки оказалось недостаточным,
чтобы остановить японскую экспансию
на азиатском континенте, и тогда Аме-
рика вспомнила о России, с которой
отношения были прерваны с момента
октябрьского переворота. Америка, как
известно в течение 16 лет решительно
отказывалась признать советское прави-
тельство, считая последнее безчестным и
аморальным, противным принципам
международного сожительства и сотру-
дничества. Газеты тех времен не переста-
вали изо дня в день квалифицировать
позицию Америки, как вдохновляемую
“благородными” идеями и “принципами
высокой морали”. Но американская по-
литика диктовалась на самом деле 800
миллионами долларов, оставшихся за
Россией, которые большевики отказа-
лись платить. Теперь всем известно, что
аморальные черты советского режима
никогда никого из сильных мира сего не
занимали, и это в особенности в тех
странах, от которых раньше всего мож-
но было ждать антимосковской полити-

ки. Не оказалось этого "благородства" и у правительства Америки. Случилось как раз наоборот. В тот момент, когда в некоторых странах победа интегрального национализма над марксизмом стала фактом, и раздался откровенный и мужественный голос против московского революционного марксизма, в этот самый момент в иных странах началось быстрое сближение с Москвой. Были забыты миллионы расстрелянных и расстреливаемых и по сей день, и к удивлению всех искренних людей в некоторых странах на переکور самой элементарной добросовестности Советская Россия — поджигательница мировой революции и гражданских войн (Испания и Китай) — неожиданно для себя попадает в лагерь государств, якобы сторонников мира.

Другим фактором, конечно, являются успехи Японии на Д. Востоке. Америка, всегда с опаской озирающаяся на Японию, не изучив дальневосточной проблемы вообще (не странно ли?) и природы большевизма в частности, очертя голову, бросилась в объятия Москвы, в расчете, что признание московского правительства удержит Японию, если не на островах, то может быть в Манджурии. Таким образом, как появление на исторической арене Гитлера толкнуло некоторые европейские страны в объятия Москвы, так японская акция на Д. Востоке бросила Америку в те же объятия. Москва оказалась фокусом, излучающим огненные лучи, готовые зажечь мировой пожар, разделив мир на два непримиримых лагеря. Пользу из этого положения извлекает только Москва, ибо покуда мировые державы не договорятся, у Москвы есть шансы более или менее спо-

койно сидеть и искусно стравливать одних с другими. Однако, справедливость требует признать, что некоторое отрезвление как будто бы уже наблюдается: державы, в свое время поспешившие на поклон в красную Мекку, сегодня переживают довольно горькое разочарование. Красноречивым доказательством этого является позиция Вашингтона в обсуждаемом здесь русско-японском столкновении, а так же статьи, напечатанные во влиятельной французской газете "Тан" и о которых речь будет ниже.

Американское признание Москвы было довольно шумным и сопровождалось, как известно, одновременным заключением ряда договоров между обеими странами. По мнению журналистов, писавших не мало бумаги в те медовые дни русско-американского сближения и переговоров, исключительное внимание было уделено дальневосточным делам. Это понятно, раз самое признание Москвы было вызвано этими делами. Такова краткая история советско-американской "дружбы".

В защиту большевиков нужно сказать, что у них действительно были все основания надеяться на то, что в вооруженной схватке с японцами они не будут одни с Чан Кай Шеком, что Америка внесет в это "дело" свою могущественную "лепту". Несмотря на исключительно благоприятный момент для атаки против японцев, который может быть никогда уже и не повторится, мы находимся перед фактом полного отступления и предоставления Чан Кай Шека самому себе. Таким образом перемирие, которым закончилась маленькая русско-японская "война" у Чан Ку Фенга, выро-

стает в большое историческое событие, могущее иметь огромные последствия как для судеб советского режима, так равно и для угнетенных в СССР народов.

Для характеристики значения этого перемирия в момент исключительно благоприятный для противников Японии, мы позволяем себе отметить факт, кажущийся нам несомненным, что и большевики, и Америка, если бы могли, то с удовольствием взорвали бы и самые Японские острова. Известно и то, что большевики располагают самой многочисленной армией в мире, снабженной новейшим вооружением, Америка в свою очередь располагает самым могущественным в мире флотом, в довершение к этому нескончаемые людские запасы Китая и... при всем этом Америка "рекомендовала" Москве мир, сидеть спокойно и не ввязываться в открытую борьбу. В чем же секрет, заставивший величайшие державы, обладающие неисслыханнми для других ресурсами, отступить. Для нас кавказцев разобраться в этом далеко не безинтересно.

***

Две статьи, помещенные одна за другой в газете "Тан", подтверждают суть наших рассуждений. Наблюдается отход от Москвы. Одна статья за подписью г. Франсуа Шевалле впервые сообщает нам о признании европейцами организующей и творческой роли Японии в Китае и вообще на Д. Востоке. ("Тан" от 25 августа 1938 г.).

"Мы можем с полной убежденностью сообщить, — заявляет автор, — что Европа, как и Америка, признают

справедливые чаяния Японии. Что ни Европа, ни Америка ни в какой мере не желают чинить затруднений справедливой экспансии японского энергичного народа, и его организующей роли, однако, мы претендуем, чтобы интересы других охранялись и существующие договоры соблюдались"... Видимо Чан Кай Шек даже совместно с Советами никому уже не подает ни каких надежд, раз таким языком заговорили об Японии.

Другая статья, помещенная в "Тан" от 21 августа, принадлежит известному французскому генералу Баратье. Статья посвящена вопросу о боеспособности красной армии.

Генерал Баратье прежде всего исчисляет состав и организационное вооруженных сил Советского Союза. Постоянная армия по его данным состоит из 1.300.000 бойцов, в которой для пехоты установлена двухлетняя служба, три года в кавалери и авиации и четыре года во флоте и артиллерии. По отбытии воинской повинности кадры время от времени созываются на два месяца для повторительных занятий. Вне армии обучением молодежи занимаются "Оссоавиахим", который насчитывает в своих рядах 12 миллионов человек, а также разные заводские и иные организации, работающие на оборону. Эти цифры, как видит читатель, могут подавить всякое воображение. "Забросать какую угодно страну одними шапками". Тем не менее выводы, к которым приходит генерал Баратье*), весьма неутешительны для этой

*) Выводы, к которым приходит генерал Баратье, были мной изложены во всей полноте год тому назад, в июньском номере «Кавказа» за 1937 год в статье под заглавием «Военная мощь

многомиллионной армии. Несмотря на то, что техническое снабжение ее весьма значительно, генерал Баратье считает советскую армию не способной ни к какой наступательной войне, а тем более вне своей национальной территории. Причин для такой слабости много и ген. Баратье их перечисляет. Здесь отмечается низкий уровень образования командного состава, между тем, чем армия технически более совершенна, тем образованнее должны быть, как командный состав, так и общая солдатская масса. «Чем больше механизмуется армия, — говорит далее ген. Баратье, — тем труднее ею командовать и тем больше сообразительности и инициативы и понимания боевой обстановки требуется от всякого воина»... Российские условия не позволяют использовать и привести в движение всю эту огромную механизированную армию из за отсутствия дорог. «Правда, говорит Баратье, советское правительство постановило построить дороги общей протяженностью в 75.000 км., но их, во первых, надо еще построить, а во вторых — этого для России далеко недостаточно. Практически невозможно себе представить покрытие такой огромной страны густой сетью дорог». — Таковы замечания технического порядка. Более важное значение ген. Баратье придает моральному состоянию армии, и тут его осведомленность и выводы сокрушительны для советского правительства.

«Правительство, которое хочет вести

войну с надеждой вести ее на территории проивника, — говорит ген. Баратье, — должно верить не только в свою армию но в **особенности оно должно быть уверенным в привязанности к нему** (т. е. к правительству) **остающегося позади фронта народа** (подчеркнуто нами Т.Е.) В 1934 году (период переговоров о франко-советском пакте) мы себя спрашивали, может ли преданность крестьян советскому режиму выдержать какое либо испытание. Сегодня этого вопроса как будто бы уже нет: ненависть к режиму даже среди рабочих стала очевидной. При таких условиях мы убеждены, — говорит ген. Баратье, — что для советского правительства война с Токио невозможна»...

Из весьма интересной статьи ген. Баратье мы сообщили только некоторые выдержки, но и того, что мы привели достаточно, чтобы сделать соответствующие выводы. Страна, располагающая 15 миллионами людей, будто бы обученных и готовых по первому же зову стать под ружье, не отступила бы никогда от Чан Ку Фенга. И это тем более, что Москва прекрасно знает, что рано или поздно схватка с Японией неизбежна. Но умирающий — до последнего дыхания не теряет надежды на спасение — таково по существу положение Советов.

Ген. Баратье, очевидно для кратости объединяет все живущее под советским игом население под общим именем крестьян, но вся конкретная обстановка говорит за то, что ген. Баратье, как и американское правительство, видит опасность не в одних русских крестьянах, а именно в распадении всего Советского Союза, в полной его непрочности.

СССР и проблема национальностей». Статья ген. Баратье таким образом является подтверждением со стороны авторитетного военного специалиста наших мыслей.

Ибо нет надобности доказывать, что падение советского режима без иных последствий ни в какой мере не стало бы тревожить ни ген. Баратье, ни американского правительства, — такому падению лишь одного режима они вероятно охотно бы посодествовали, но и ген. Баратье, и Вашингтонское правительство, повидимому, одинаково уверовали в то, что война приведет к падению не только режима, но и к неизбежному распадению Советского Союза на составные части. Констатирование этого факта нас окончательно убеждает, что национальное ос-

вободительное движение на Кавказе, Украине, Туркестане и вероятно и на Д. Востоке уже не ускользает от наблюдения европейских держав, в политике которых советская карта еще не совсем отыграна, спешить стало быть с распадением сов. союза еще не следует, вот почему по инициативе Вашингтона Москве был преподан совет не нарушать мира на Д. Востоке. Таков урок, который следует нам извлечь из краткой, но богатой значением истории холма Чан Ку Фенг.

Тамбий Елекхоти.

Г. КВИНИТАДЗЕ

Взятие Ардагана

В НЕКОТОРОЙ части нашей эмигрантской прессы много пишут о наших правах на Ардаганский и другие округа, отошедшие к Турции, о настоятельной необходимости иметь их в наших пределах даже в стратегическом отношении и пр., но из истории известно, что Грузия существовала несколько веков и без этих областей и даже без Ардагана.

Повидимому, не совсем ясное освещение этого вопроса вызывает, может быть, недоразумение и побуждение некоторых к демагогическим выкрикам и даже к нецензурной брани.

Поэтому я счел необходимым дать очерк, каким образом Ардаганский ок-

руг, наиболее вызывающий волнение, попал в наши пределы и как мы его потеряли.

Карс, Ардаган и Батум по Брест-Литовскому договору должны были отойти к Турции. Грузия и Армения не признали этого договора, но в результате конференции в Трапезунде и Батуме и дальнейших переговоров и событий Грузия принуждена была уступить Турции не только Батум и Ардаган, но и Ахалцих и Ахалкалаки. Однако, последующие, оказавшиеся для нас благоприятными, события (победа Антанты) изменили создавшееся положение, и Ахалцих и Ахалкалаки были возвращены Грузии, которая и ввела туда свои вой-

ска. Что касается остальных округов, то они были оккупированы английскими властями.

Это произошло в 1918 году.

В своей статье я не буду касаться наших пограничных споров с армянами; я только укажу, что эти последние претендовали на некоторые части Борчалинского уезда и Ахалкалак. Наши переговоры, как известно, закончились Грузино-Армянской войной, начавшейся 8 декабря 1918 года и закончившейся по требованию представителей Антанты в 12 ч. ночи 31 декабря того же года.

После занятия Карс-Ардагана английскими войсками в этой части Закавказья появилось государство "Территория Юго-Запада Кавказа". Это государство состояло из областей Карса и Ардагана.

Потом, во время моего пребывания в Ахалцихе, я имел сведения, что в состав этого государства должен был войти и Батум, о чем правительство Юго-Запада Кавказа вело переговоры с аджарцами. Да и само название (Юго-Запад Кавказа) дает возможность предполагать о существовании подобного проекта. Повидимому созданию этого государства способствовали англичане, что для меня лично стало очевидным из моих переговоров с английскими офицерами находившимися повсеместно на территории вышеназванного государства.

Принимая во внимание, что Англия в это время способствовала образованию отдельных государств на территории Турции (Аравия, Палестина, Сирия) можно с большой долей вероятности до-

пустить, что государство "Территория Юго-Запада Кавказа" образовалось по желанию Англии.

Повидимому, у правительства Юго-Запада Кавказа существовал также проект о присоединении к этому государству помимо Батума — и Ахалциха и Ахалкалак.

Воспользовавшись недовольством против нашего тогдашнего правительства местного, главным образом, мусульманского населения и поддержкой вновь образованного государства "Территория Юго-Запада Кавказа", Сервербек Поцховский поднял восстание в Ахалцихе, в результате которого наши гарнизоны и администрация очистили Ахалцих и Ахалкалаки и отошли в Боржом. Наши передовые части оказались на линии Слесис цихе в нескольких верстах к северу от Ацкур.

Эти события произошли в феврале 1919 года.

Я должен отметить, что в Ахалцихе мне попались бланки официальных бумаг, на которых был напечатан следующий заголовок: "Территория Юго-Запада Кавказа. Округи Ахалцих и Ардаган".

После Грузино-Армянской войны, в которой я принял участие добровольцем из отставки в качестве начальника штаба ген. Мазнева, я был уволен в отставку в начале января 1919 г.

Когда разыгрались в Ахалцихе вышеописанные события и наши войска отошли в Боржом, председатель правительства обратился ко мне с предложением поехать в Боржом в качестве начальни-

ка штаба к ген. Мазневу. Еще 26 июня предыдущего года Жордания образовал новое правительство; он составил его полностью из старого, исключив из его состава лишь меня. Несмотря на это обстоятельство и на наличие других находящихся на службе генералов, я не отклонил это предложение, но поставил условиями лично нашему председателю правительства, чтобы в Ахалцихе вся власть принадлежала военному командованию и чтобы сам Мазнев телеграфно просил меня приехать.

Председатель правительства согласился на это. На другой же день я получил телеграмму от Мазнева и в тот же день поехал в Боржом.

Это было в двадцатых числах февраля. Через день после моего прибытия в Боржом была получена телеграмма из Тифлиса, по которой ген. Мазнев отзывался в Тифлис, а командующим войсками в Ахалцихе и Ахалкалахах назначался я.

На операциях в Ахалцихе я не буду останавливаться; отмечу лишь следующее. Офицеры, даже георгиевские кавалеры, участвовавшие в нашей Ахалцихской неудаче, докладывали о серьезности положения, об очень большом количестве повстанцев, об их организованности и об умении вести военные операции и пр. Мне пришлось принять их доклад во внимание, и я тщательно приготовился к операции.

В начале марта я начал наступление и первый удар оказался для нас весьма удачным. Ацкури были взяты через час после нашего наступления, а на следующий день утром я в'ехал в Ахалцих даже

ранее войск. Но в дальнейших действиях сопротивление противника понемногу увеличивалось; все же противник после нескольких поражений принужден был очистить Ахалцихский уезд и Ахалкалаки.

Но он продолжал оставаться вдоль нашей Ахалцихской границы и усиливался подкреплениями из Ардагана.

Несомненно надо было продолжать наступление и внести военные действия в пределы враждовавшего с нами государства. Между тем обстановка сложилась не совсем благоприятная для наступления, а именно, англичане были против нашего дальнейшего движения.

Полковник-англичанин, находившийся в Ахалкалахах, фамилию его я забыл, настаивал на том, что, согласно договора, существующего между грузинским и армянским правительствами, я не имею права вводить в Ахалкалаки более двух рот.

Я отвечал, что введу столько войска, сколько по обстоятельствам обстановки найду нужным. Он продолжал стоять на своем, но когда его офицер чуть не попал в руки повстанцев и был обязан спасением лишь быстроте своей английской лошади, он стал настаивать, чтобы я скорее ввел войска в Ахалкалахи. (Переговоры велись через офицера-переводчика кн. Алика Орбелиани).

Некоторое время погодя офицер-англичанин из Ардагана привез мне от правительства "Территории Юго-Запада Кавказа", не то письмо, не то ноту, не то ультиматум.

Документ начинался курьезной фразой:

“Государство Территория Юго-Запада Кавказа и Грузия всегда находились в дружественных отношениях”.

Далее предлагалось заключение мира и требовался увод грузинских войск с их территории.

Последнее требование было вызвано тем обстоятельством, что во время последнего столкновения одна из наших частей несколько перешла границу.

Офицер-англичанин передавая вышеуказанное письмо, сообщал, что их войска получили много подкреплений, что прибыло несколько орудий и пулеметов и т. д.

Наш разговор происходил через переводчика, теперь покойного кн. Мамука Орбелиани.

Через два часа я вручил англичанину письменный ответ с переводом на английский язык.

Я отвечал, что заключать мир я не правомочен, и это желание Территории Юго-Запада Кавказа я передам в Тифлис своему правительству. Что же касается остального, то я требовал со своей стороны немедленного отвода их войск в Ардаган и выдачи зачинщиков восстания, в числе их Сервер-бека и что, если в течение 48 часов я не получу удовлетворения, то предприиму те действия, которые по обстоятельствам обстановки найду нужным.

Англичанину очень не понравился мой ответ и в дальнейшем разговоре он употребил даже такую фразу: “А не считаете ли вы, что нападая на государство Юго-Запада Кавказа, находящееся под

покровительством Англии, вы этим фактом поднимаете руку против Англии”.

Я ответил сейчас же, что этого не считаю, ибо тогда должен был бы считать, что полтора месяца тому назад, когда “Территория Юго-Запада Кавказа” атаковала наши войска в Ахалцихе и Ахалкалахах, то значит это Англия нас атаковала.

Разговор наш закончился и он увез мое письмо правительству “Территории Юго-Запада Кавказа”. По истечении назначенного мною срока наши войска атаковали противника, который даже нарыл окопы; пушки и пулеметы попали в наши руки, а сам противник был отброшен за Ханиорский перевал.

Итак, мы находились на территории враждующего с нами государства и надо было решать идти дальше на Ардаган или нет.

Вот тут и началась история.

Англичане определенно не желали нашего перехода в наступление, но свои советы и протесты перенесли из Ахалциха в Тифлис.

Я настаивал идти на Ардаган; надо было покончить с “Территорией Юго-Запада Кавказа”. Да и нельзя было вечно стоять на своей границе мобилизованными.

Тифлис к моему удивлению склонялся на сторону англичан.

Тогда я отдал приказ о наступлении на Ардаган. Через Ханиорский перевал должен бы идти ген. Артмеладзе, а со стороны Ахалкалак через Зурзуны ген. кн. Сумбатшвили.

Однако появилось неожиданное препятствие в лице войск ген. Артмеладзе.

Ген. Артмеладзе доносил, что в войсках пущена провокация, а именно, будто военный министр и, вообще, правительство говорило им, что надо лишь очистить от противника нашу территорию, что это сделано, и что на Ардаган хотят идти лишь генералы, а правительство этого не хочет.

Я сообщил об этом в Тифлис и просил приехать военного министра Ноя Рамишвили в Ахалцих и присутствовать при выступлении войск, дабы этим своим присутствием опровергнуть ложность пущенной против генералов провокации.

На это свое приглашение я получил отказ, а затем категорический приказ на Ардаган не идти, а "закрепиться на занимаемых позициях". Не трудно понять в какое положение перед солдатами поставили нас, генералов.

Тогда я отдал приказ о немедленном переходе в наступление, согласно ранее полученных директив.

Как раз в это время приехал ко мне начальник штаба дивизии Артмеладзе полковник Гегелашвили и доложил, что солдаты не хотят идти на Ардаган и присылают с этими требованиями свои делегация, что солдаты разгоняют рабочих на Ханиорском перевале, где местные жители расчищали от снега дорогу.

Я в письменной форме подтвердил мой приказ о немедленном наступлении, а на словах сказал, что к часу выступления буду на месте, и там будет видно.

Действительно, на следующий день

один батальон без офицеров пошел назад, но мне там же удалось его вернуть и направить на Ардаган вслед за остальными полками.

Может быть не к месту, но хочу отметить одну характеризующую грузин черту характера.

Уже в Ардагане я спросил ген. Артмеладзе, спрашивал ли он солдат этого батальона, почему они вернулись и что они ему ответили. Он, улыбаясь, мне сказал, что они отвечали:

"Там нас встретил ген. Квинитадзе и мы из уважения к нему вернулись".

(Хатри ар гаутехет).

Как видите, и начальника уважили, и себя не обидели.

20 апреля 1919 г., после небольшого сопротивления Ардаган был взят нашими войсками. Должен отметить, что в то же время англичане привезли из Тифлиса в Карс эшелон своих войск и арестовали находившихся там членов правительства Юго-Запада Кавказа. Это государство перестало существовать.

Наши войска продолжали наступление и заняли весь Ардаганский округ до Мерденека, где наши передовые разведчики встретились с английскими частями, начальник которых предложил им уйти назад.

Из описанного мною выводы напрашиваются сами собой.

Англичане имели намерение образовывать здесь, как и в других местах бывшей Оттоманской Империи, отдельное государство, чем понятно ослаблялась

Турция, т. к. англичане вели тогда противотурецкую политику.

Что вопрос об образовании государства "Территория Юго-Запада Кавказа" находился в периоде более изучения, а не его окончательного решения.

Что когда англичане убедились в не реальности их проекта в силу неспособности этих областей образовать самостоятельное государство, то они сами закончили с этим государством.

Что наше тогдашнее правительство не отдавало себе отчета в действительном положении дела и отказалось от овладения Ардаганом, когда сделать это, как показали события, было совершенно не трудно.

Кроме того, известно, что переговоры нашего правительства с представителями англичан в Тифлисе и с армянами закончились еще плачевнее: половину Ардаганского округа к югу от параллели Ардагана на запад, а на восток по р. Куре мы уступили армянам, не участвовавшим в нашей войне против "Территории Юго-Запада Кавказа". И так, армяне оказались и дальновиднее и искуснее наших вождей.

Кстати сказать, южная половина Ардаганского округа и более богатая и более плодородная его часть.

Что касается города Ардагана, то мы там получили лишь казармы, находящиеся на левом берегу р. Куры.

И получилась редкая картина. С нашими войсками в ардаганских казармах мы должны были сноситься через закрытый для движения $\frac{1}{2}$ года назад Ха-

ниорский перевал, и по скверной проселочной дороге; а если хотели проехать из нашего Ахалкали в Ардаган, то должны были просить разрешения армян, чтобы воспользоваться прекрасным шоссе Ахалкали-Ардаган.

Как видит читатель, Ардаган при объявлении нашей самостоятельности в 1918 году нам не принадлежал, и в территорию нашу стал входить лишь с 1919 года и то лишь своей скверной половиной и без самого города.

Не лишнее здесь добавить тот факт, что наше правительство за период 1918-1921 г. отдавало Турции Ардаган дважды (1918 и 1921 г.) В 1919 же году оно не использовало создавшейся для нас благоприятной обстановки для присоединения этого округа, и когда все же вопреки желания правительства войска присоединили его силой оружия, оно передало его лучшую половину с городом Ардаганом армянам, не имеющим к этому округу никакого отношения, ни в исторически, ни политически, ни в смысле принципа населенности.

Благодаря такой недалекости в 1919 году создан прецедент для политических притязаний армян на город Ардаган и южную половину округа, в случае, если Ардаганский округ, в силу тех или других обстоятельств, когда либо мог бы оказаться в пределах Грузии.

О чем же шумят наши "политические" деятели и вожди, обвиняя сотрудников жур. "Кавказ" даже в "предательстве" (?).

Как видит читатель, все эти не имеющие никакой реальной базы, а лишь де-

магогического характера выкрики, наши “политические” деятели направляют не по адресу.

Действительно.

Как признает само наше бывшее правительство, оно в 1921 году передало Турции Ардаган и Артвин (документ от 27 марта 1921 г. опубликованный в жур. “Кавказ”).

Что касается Батума, то согласно также в жур. “Кавказ”, опубликованной выписки из “Истории Анкорского Национального Собрания”, Батум был передан Турции в 1921 году уполномоченным нашего правительства, находившимся тогда в Анкаре С. Мдивани.

Эта уступка подтверждается тем обстоятельством, что турецкие войска заняли Батум и Хуло с разрешения нашего тогдашнего правительства, кстати сказать, не осведомляя об этом главнокомандующего грузинской армией.

Что касается притязаний наших политиков на земли раньше принадлежавшие Грузии, то каждому ясно, как не реально и даже смешно пред’являть

Турции какие либо притязания и, особенно, в существующей ныне обстановке.

Что же касается Карского договора, именуемого прессой наших политических деятелей “большевицким”, то надо отметить, что не признавая его, нам придется признать “меньшевицкие” договоры с Турцией, т. е. отказаться от Батума, уступленного Турции нашим бывшим правительством в 1921 году.

Карский же договор 1921 года, “большевицкий”, исправил “меньшевицкий” договор в нашу пользу и вернул Грузии жизненно необходимый ей и всему Кавказу Батум.

Вообще же маленьким государствам надо быть чрезвычайно осмотрительными в нарушении договоров, дабы не давать более сильному государству прецедента для нарушения заключенных договоров. Есть еще один метод, не признавать никаких договоров, но это способ уже большевицкий и для нас не приемлем.

Г. Квинитадзе.

В. ОЛЕНИН.

Кавказские силуэты

САМОВАР-ПАША, ПОКРОВИТЕЛЬ ТЕАТРА

СОВЕТСКАЯ действительность полна совершенно анекдотических явлений, на чем приходилось уже останавливаться в прошлом номере “Кавказа”, под заголовком “В стране чудес”. Госпо-

да начальствующие в своем примитивном подходе к каждому вопросу могли бы быть просто персонажами юмористических рассказов. Если только, конечно, настроиться на веселый лад, игнорируя

трагическое значение всех этих курьезов.

Но для равновесия интересно отметить, и в прежней императорской России эпизоды, явления и фигуры совершенно того же анекдотического порядка. Большой русский сатирик Салтыков-Щедрин оставил целый портретный альбом губернаторов — “помпадуров”, как он их называл, а в “Истории города Глухова” он дал юмористический обзор всей российской истории, начиная от расселения славянских племен (среди которых так привилось выдуманное Щедриным слово “головотяпы”) и вплоть до градоначальника Перехват-Залихватского — императора Николая I-го.

Некоторые анекдотические черты можно, конечно, найти и отметить в каждом человеке, находящемся на виду, но бывают случаи, когда ими исчерпывается вся личность государственного деятеля, и пребывание его у власти представляет собою сплошной анекдот.

Такой фигурой был в свое время на Кавказе главноначальствующий князь Г. С. Голицын, которого трудно забыть в летописях края, а в особенности не следует забывать армянам, часто готовым теперь с редким снисхождением вспоминать “доброе старое время” русского императорского господства.

В этой прошлой российской действительности не мало было совершенно удивительных администраторов, годных прямо в оперетку, которые своеволили и куралесили в подведомственных им областях, насыщая огромную отпущенную им власть всеми капризами своей

неистовой фантазии. Кое кто из них уже достаточно обрисован в различных исторических мемуарах, но знаменитый в свое время сатрап Кавказа кн. Г. С. Голицын, о котором тогда писали и русские и иностранные газеты, еще ждет соответствующего очерка. Это было в конце прошлого века и в самом начале нынешнего.

Не претендуя на такую задачу, я хочу лишь мельком вспомнить в своих “Кавказских силуэтах” некоторые сохранившиеся в памяти случайные эпизоды, столь характерные для этого государственного мужа, который в течение почти десяти лет и почти неограниченно управлял всем Кавказским краем, т. е. территорией целого европейского государства, немалых размеров, с очень сложным, разноплеменным населением.

Это, кажется, редактор “Петербургских Ведомостей” кн. Э. Э. Ухтомский дал ему столь удачное прозвище “Самовар-паша”, так прочно за ним укрепившееся. Действительно князь Голицын “вскипал” по всякому поводу, вечно бурлил и волновался, точно подогреваемый раскаленными угольями. Что он вообще наделал на Кавказе — об этом даже трудно говорить, потому что, не было ни одной отрасли управления, где бы этот совершенно неуравновешенный и нелепый человек не проявлял своей неудержимо стихийной воли и куда бы он не внес присущего всем его деяниям сумбура и хаоса.

За несколько лет своего пребывания на Кавказе кн. Голицын сменил по несколько раз губернаторов всех подчиненных ему губерний; не уцелело вообще в крае ни одного занимавшего от-

ветственный пост чиновника, при чем он не щадил собственных своих вчерашних фаворитов и ставленников; с городскими думами и общественными деятелями он вел непрерывную и непримиримую войну, но мировую славу заслужил он, как известно, своей совершенно несуразной политикой в отношении армян и конфискацией имуществ армянской церкви, после чего национальная организация "Дашнакцутюн" решительно стала на революционный путь. Это был вообще большой мастер революционизировать население и он действительно достоин особого биографического очерка — этот "помпадур из помпадуров" — самодержавный кавказский главноначальствующий Самовар-паша.

Удивительно то, что несмотря на формальный образовательный ценз академии генерального штаба, несмотря на родовитое имя, — это был человек совершенно невежественный и некультурный, примитивный во всех своих проявлениях. Он, например, абсолютно не знал Европы и европейской жизни; как подлинный шедринский помпадур не знал и не признавал российских законов; был полным невеждой в литературе и вообще в искусстве, хотя владея большой ложей главноначальствующего в тифлисском казенном театре очень любил проводить там свои вечера, чрезвычайно интересовался репертуаром (впрочем, этот человек вообще вмешивался во все) и хотел, чтобы его считали меценатом и покровителем театра.

Князь Голицын — это действительно сплошной анекдот. Трудно даже иной раз поверить многому из того, что хорошо известно и памятно большинству

старых тифлисцев. В этом отношении он не только не уступает знаменитому одесскому градоначальнику Зеленому, о котором столько писалось в разных мемуарах и архивных очерках, но вероятно даже его превосходит размахом и смелостью своего совершенно необузданного нрава и фантазии. Только материалы, тут еще не подобраны и не коллекционированы.

Послышались, например, кн. Голицыну какие то странные шумы ночью во дворце, и он немедленно велел перерывать глубокими траншеями часть главной улицы города, на которой стоит его дворец, чтобы не допустить подкопа под здание, — так и оставались месяцами эти зияющие траншеи в самом центре, мешая движению по Дворцовой улице и Головинскому проспекту. А причиной ночного шума оказались просто крысы.

Долго не разрешал кн. Голицын проведение фуникулера на гору Св. Давида над Тифлисом, так как заявлял, что возникнет новый способ самоубийства: парочки молодежи будут ездить на гору и бросаться оттуда вниз со скалы. Почему вбил он себе это в голову — так и неизвестно, — может быть в свое время произвели на него впечатление такого рода самоубийства на Иматре в Финляндии.

Главным его аргументом на все случаи был неистовый крик. Кричал он на губернаторов, на военных, на своих гостей, хотя и был большой хлебосол, на чиновников, ему даже неподчиненных, как накричал он однажды на прокурора судебной палаты. У того была привычка, слушая, говорить: "ну-те, ну-те"...

Князь Голицын, все повышая тон, разносил прокурору судебное ведомство за какой то оправдательный приговор, а тот повторял: “ну-те, ну-те”... — Да не “нути, — вскипел Самовар-паша, — а свиньи, мерзавцы, — вот ваше ведомство! — и пошел, и пошел честить далее.

Катаясь по вечерам с супругой, он часто выезжал за город, и если какая-нибудь замешкавшаяся повозка или местная “арба” с буйволами задерживала экипаж, он выскакивал из коляски и, грозя палкой, в пух и прах разносил “аробщика”, часто даже ничего по русски не понимавшего, доказывая ему, что имеет власть “растереть в порошок” и “сослать к чорту на кулички”.

Но в особенности много сохранилось воспоминаний, порою совершенно анекдотического характера, хотя и вполне достоверных фактов, связанных с посещениями тифлисского казенного театра столь к нему благоволившим главноначальствующим.

Директором этого театра был тогда хорошо известный на Кавказе общественный деятель и журналист прис. пов. П. А. Опочинин, а заведующим художественной частью и главным режиссером — И. Е. Питоев, человек тоже известный в театральном мире, отец французского артиста Жоржа Питоева. Оба администратора — люди веселые и остроумные, связанные личной дружбой — умели очень ловко вышучивать кн. Голицына под личиной внешнего почтения к его глубокому пониманию искусства. И. Е. Питоев, которого неоднократно вспоминал в своих мемуарах и Амфитеатров, сравнительно недавно скончался здесь в

Париже и охотно возвращался памятью к этому тифлисскому прошлому.

Вот первое представление оперы Пуччини “Богема”. Парадный спектакль, в ложах нарядные дамы, в партере генералитет, местная гвардия — офицеры драгунского Нижегородского полка, — разумеется, в своей литерной ложе кн. Голицын с супругой, еще кто то из свиты.

В третьем действии, как известно, — на сцене рынок, и для большего реализма воспроизведения Италии Питоев распорядился выпустить нескольких осликов с корзинами овощей, благо их сколько угодно на Кавказе. Но вдруг первый осел, выйдя на сцену, ни с того ни с сего, вероятно, от смущения, начал реветь. Капельмейстер остановил оркестр, певцы смолкли, осел ревел, сколько ему полагается, а публика смеялась, и всех зычнее хохотал кн. Голицын.

На следующем спектакле “Богемы” осликов уже не было, — Питоев их отменил.

Но в антракте кн. Голицын посылает за директором театра и делает ему реприманд, почему не было ослов.

— Вы сами, ваше сиятельство, изволили присутствовать, — начал объяснять директор.

— Ну так что-ж? — перебил князь, который вообще благоволил к администрации покровительствуемого учреждения: это было тогда так весело, так похоже на правду, забавно, вся публика хохотала, и я тоже от души хохотал, и княгиня, и все, кто были с нами. Непременно, я на этом настаиваю, я считаю

необходимым, чтобы ослы участвовали.

Опочинин и Питоев прозвали с тех пор осла “солист его сиятельства — если князь приехал, осла надо выпускать.

Когда давали в первый раз “Царя Федора Иоанновича” Ал. Конст. Толстого, Самовар-паша вознегодовал уже гораздо серьезней. Директор театра присутствовал у него в ложе, так как главноначальствующий любил, чтобы ему новую вещь раз’ясняли.

— Нет, нет, этого я от вас не ожидал, — стал вскипать кн. Голицын, — я всегда относился к вашему ведомству с таким доверием, а вы мне, чорт знает, что преподносите. Русский царь осмеян на сцене, представлен каким то гороховым шутком и идиотом, а великая Армения разлегалась в партере, хохочет и аплодирует. И вы, русский человек, это допускаете...

Большого труда стоило Опочинину, который очень боялся, чтобы дорого стоившую постановку не сняли с репертуара, успокоить в антракте расходившегося князя. Пришлось прибегнуть к хитрости и убедить его, что тенденция пьесы клонит к тому, чтобы доказать вырождение старой династии, неспособной справиться с распрями бояр, — единственный положительный тип в трилогии Толстого — это боярин Захарьин-Юрьев, которого автор выводит, как родоначальника новой династии Романовых, призванной положить конец междоусобиям смутного времени.

— А пожалуй вы правы, — сказал, просмотрев трагедию, кн. Голицын.

На этом он и успокоился.

Невежество его было вообще изуми-

тельно. Он не знал почти ни одной пьесы, даже самых репертуарных, самых избитых опер. Не знал, например, сюжета “Риголетто”, а так как в этот вечер должен был уехать из театра до окончания оперы, то специально вызвал директора, чтобы тот ему подробно рассказал, чем дело кончится. Как ребенок, искренно переживал он все перепетии происходившего на сцене, возмущался, изумлялся и хохотал до слез, горячо аплодируя артистам.

В антрактах он пил чай у себя в аванложе, — ставился самовар, печенья, фрукты, приглашались знакомые, но в особенности князь любил, чтобы присутствовал директор театра, давая об’яснения по поводу спектакля и предстоящих постановок.

И вот однажды во время такого приема по столу вдруг пробежал откуда то взявшийся мышенок.

История эта документально сохранилась в летописях тифлисского казенного театра.

Князь Голицын был в этот день нездоров и не в духе, и появление мышенка сразу привело его в бешенство.

— Это чорт знает что такое! У вас в театре мыши. Какой должен быть безпорядок, если мышь появляется в ложе начальника края. Княгиня их так боится, — в особенности после этой истории с крысами во дворце... Немедленно поставьте мышеловку и ждате моих поражений.

На следующее утро в контору театра явился специально посланный из дворца казак:

— Его сиятельство спрашивает, пойман ли мышенок.

Мышенок оказался пойманным, и из театра запросили, как поступать далее.

— Ждать распоряжений, — последовал ответ.

Мышеловку с пойманным преступником бережно хранили в конторе, надеясь, что к вечеру князь будет в театре.

Но как раз князь Голицын заболел и несколько дней отсутствовал, — надо было кормить мышенка.

Директор театра с невозмутимым спокойствием ежедневно выписывал ордер на покупку сала для содержания мышенка при ложе главноначальствующего, так это и было отмечено в книге.

От души потешались все театральные служащие с Питоевым во главе, стараясь угадать, какой казни будет подвергнут заключенный.

Наконец, приблизительно через неделю кн. Голицын появился в театре и тотчас потребовал к себе мышеловку. Точное выполнение приказа сразу привело его в хорошее настроение духа.

— Выпустить во двор на свободу, — последовала резолюция: но если еще появятся мыши, тогда уж я буду строг, — прибавил он, улыбаясь.

Вся эта удивительная мелочность своенравного ребенка дает довольно ясное представление о том, что мог надевать такой нелепый самодур в вопросах серьезных, в особенности при той огромной власти, какая ему была предоставлена. Неудивительно, что, покидая Кавказ, кн. Голицын оставил край в полном брожении. Никто не знал, чего еще можно ждать от такого начальника.

Он, например, совершенно неожиданно, в двадцать четыре часа, за неправившуюся ему статью отобрал официальную газету "Кавказ" у ее редакто-

ра-издателя поэта В. Л. Величко, у которого газета была в аренде. При том Величко, как известно, был главным застрельщиком именно "галицынской" политики против армян, но Самовар-паша, не разбирая, бил по своим, лишь бы проявлять силу. Величко был выслан из Тифлиса.

Энергия и жизненность князя были изумительны. Безоружный, с одной лишь палкой в руке, этот грузный, тучный старик отбил нападение трех вооруженных террористов армянской организации "Гнчак", бросившихся на него во время обычного вечернего катания по горной дороге над Тифлисом. На козлах был только один казак без ружья, но террористы бежали, — такое им было оказано сопротивление. Кн. Голицын был ранен во время этого покушения, а "гнчакисты" пойманы в тот же вечер.

В конце концов уже и в Петербурге обратили внимание на полную невозможность дальнейшего пребывания кн. Голицына у власти.

В особенности боролся с ним и высмеивал его граф Витте. Самовар-пашу убрали.

Но свое покровительство театру он довел до конца, — это была какая то особая причуда. Театр получал казенную субсидию, но сезоны часто кончались дефицитами. И вот перед своим отъездом кн. Голицын, выхлопотал около 100 тыс. руб. на покрытие накопившихся долгов и тем очистил бюджет театра.

— Вы мне доставили много-много приятных минут, — говорил он по этому поводу.

В. Оленин.

З. А.

Французский Руставели*)

Спустя почти столетия со времени выхода в свет немецкого перевода и более чем четверть века после напечатания «Человека в барсовой коже» по-английски, появляется полный французский перевод романа-поэмы Руставели.

Из предварительного сообщения издателей — фирмы, хорошо известной в истории французского книгопечатания — узнаем, что «публикацией на французском языке шедевра Шота Руставели, грузинского поэта», мы обязаны инициативе особого Комитета Руставели; что комитет этот был учрежден «Институтом истории современной политической эмиграции»; что почетным председателем комитета был г. Шарлети, ректор Парижского Университета; а из членов на первых местах поименованы «Поль Буайе, почетный директор Национальной Школы живых восточных языков», и «монсieur Граффен, профессор христианских литератур».

Все это звучит не без торжественности. Читателю заранее внушают, что какие то очень серьезные лица и учреждения своим авторитетом — как бы ручаются за достоинства предлагаемого ему переложения романа Руставели на язык Ронсара и Расина.

Однако, остается неясным, какое вообще отношение имеет к изящной словесности «Институт истории современной политической эмиграции»; и, если ответственность за издаваемый перевод падает на «Комитет Руставели», то что собственно было им сделано для того, чтобы обеспечить удовлетворительность этого перевода. Будет поэтому проще оставить все это в стороне.

Итак, перед нами «французский текст г. Жоржа Гвазава и г-жи Ани Марсель-Пан».

Переводить вдвоем — это вещь теперь распространенная, да и естественная. Гете как-то писал, что в хорошем переводчике должны

в сущности совмещаться два человека. Один, способный проникаться оригиналом, с которого делается перевод. Другой, имеющий особый дар писания на своем языке, т. е. на том, на который переводят. Однако такое сочетание бывает редко. Отсюда — прямой путь к тому, чтобы переводить вдвоем. Обыкновенно, не надо и объяснять, как делилась работа между сопереводчиками.

Не то в настоящем случае. Нет основания предполагать знание грузинского языка у г-жи Марсель-Пан. Она могла, следовательно, принять участие не в переводе с оригинала, а в редакции уже переведенного на французский текста. Действительно, мы едва ли ошибемся, если допустим, что в основе ныне изданной французской версии Руставели лежит перевод, сделанный самостоятельно г. Гвазава, грузинским литератором, знающим французский язык, а что затем перевод этот отшлифован, т. е. французский язык его сделан по возможности более французским трудами и искусством сопереводчицы. Возможно, что это и не так. Нам приходится делать догадки, потому что в предисловии не сказано ни слова ни вообще о переводе, ни о распределении ролей между сотрудниками. Решительно ничего не говорится и о задаче, поставленной себе переводчиками. Но вот что удивительно. Нигде не отмечено, что перед нами прозаический перевод стихотворного оригинала. О том, что эпопея Руставели написана в стихах, переводчики не сочли нужным сообщить французскому читателю, полагаясь, очевидно, на его догадливость, т. е. предоставляя ему самому вычитать это из поэмы.

Остается также неизвестным, с какого именно текста сделан перевод, в какой мере при этом пользовались различными изданиями поэмы, различными чтениями и т. д. Ничего не сообщено о том, в каком вообще виде «Носящий барсовую кожу» дошел до нас, каков язык поэмы, ее словесная ткань, с какими трудностями приходится бороться переводчику и т. д. Наконец, молчанием обойдены сделанные рань-

*) *Chota Roustaveli. L'Homme à la peau de léopard. Texte français de M. Georges Gvazava et de Mme Anie Marcel — Paon. Librairie de Paris. Firmin-Didot et Cie.*

ше переводы Руставели на европейские языки.

В книге нет ни одного подстрочного примечания. Ни один специальный термин, а их там не мало, не получила разъяснения; но и представлено все в таком виде, будто бы никаких вообще разъяснений и не требуется и перед нами не средневековый сложный текст, требующий над собой работы и дающий пищу размышлениям комментаторов, а какойнибудь современный роман, из числа тех, что в большом количестве переводятся с одного языка на другой.

Беда, однако, в том, что нельзя безнаказанно переводить Руставели таким обычным способом; тем более, когда перевод прозаический, и не приходится жертвовать ясностью и правильностью передачи ради требований версификации.

Пробным камнем являются вступительные четверостишия. В них кроме обязательного словословия Тамаре, в немногих строках, кстати сказать, далеко не лучших в поэме, — имеем краткую поэтику Руставели и особенно его учение о любви, притом, любви особой, рыцарской. Она именуется миджнур-ством. «Миджнур»-же означает «безумно влюбленного», и слово это связано с именем знаменитого в литературной традиции Востока любовника-безумца Меджнуна. «Миджнур» сделался, следовательно, в дни Руставели обозначением любовника или влюбленного особой, совершенно определенной категории. Точно так же в других условиях, в Европе, другой «тип» любовника получал наименование «дон-жуана» или «селадона» (оба эти обозначения тоже литературного происхождения).

Несмотря на арабский корень слова, грузинский «миджнур» был ярко оригинальным явлением. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить с Руставели скорбную поэму о Леиле и Меджнуне, написанную знаменитым персидским поэтом Низами Ганджийским, современником Руставели и соседом его по Аррану. Поэма эта, кстати сказать, давно и красиво переведена на английский язык.

Каковы качества «миджнура», достойного этого имени, это именно и есть предмет ряда «вступительных строф» Руставели. Между тем во французском переводе говорится — без всякой оговорки — просто о «любовниках». Из

него исключено даже пояснительное четверостишие, начинающееся словами:

Миджнур-ом именуется безумец на арабском языке...

И уж совершенно произвольно оставлена без перевода важная и характерная строфа, провозглашающая «миджнур»-ство как бы особым установленным или состоянием, имеющим свои специальные обязанности и правила поведения.

Словом, о «миджнур»-стве французский читатель решительно ничего не узнает. Между тем именно во французском переводе было уместно передать все эти начальные строфы с особой тщательностью и с необходимыми пояснениями*) в виду давно уже отмеченного сходства доктрин излагаемых здесь Руставели с учением о любви провансальских трубадуров.

Тот же самое надо сказать о поэтике, предмете тесно сплетенном у Руставели — как у провансальцев — с доктриной любви. Перевод относящихся сюда строф сделан очень небрежно, без внимания к перечисляемым поэтом категориям поэтических произведений*). Но какие уж тут пред'являть вообще требования, когда «чоган», которым отбивают мяч в поло, (английский поло-стик) переведен (строфа 20) «пиош», т. е. кирка, орудие землекопа! А это очень красивое место у Руставели, где находчивость и искусство поэта в борьбе со словесной материей уподобляется проворству, с каким бьет по мячу «чоганом» конный игрок. По французски это «майэ». В крайнем случае, можно было сказать «ракета». На рисунке итальянца Кастелли (17 столетие), изображающем конную игру в мяч в Грузии, т. е. поло, всадники держат как раз ракеты с длинной ручкой... Но кирка! Как только додумались до этого?!

Или вот еще — все в том же злосчастном руставелевском вступлении (строфа 27): «Она (Тамара)... беспощадна, как скала». «Скалой» здесь совершенно нелепо и непростительно пе-

*) В английском переводе 1912 г. к 31 строфе вступления дано около 40 примечаний.

*) Неизвестно, откуда берется эта «дифирамбическая поэзия» в §18, и что это за «фрагменты эпоса» в § 22 перевода.

реведен «джик», т. е. вероятнее всего зикх. Знакомые еще грекам зикхи считались племенем свирепым. Другие понимали слово как название хищного зверя. Но причем тут скала?

Требуется большая развязность, чтобы допускать такие небрежности при переводе этих драгоценных вступительных четверостиший.

А к подобным же «неточностям» в переводе самого романа можно отнести иной раз и юмористически. Напр., в строфе 264 перевода читаем, что какие то «люди кишели по болотам». Здесь словом «болота» (марэкаж) переведено, видно, по созвучию, грузинское «мареки», т. е. «загонщики» (на охоте). Какова ловкость рук? Не только — загнать, но еще и превратить «загонщика» в «болото»!

В другом месте Руставели устами героя Автандила говорит, что смола, имея сродство с жаром огня, в нем воспламеняется, с водою же сродства не имеет и потому в ней гаснет. В переводе это отсутствие у смолы сродства с водою изображено так: «Увы! по соседству нет воды!» (§ 885). Анекдотично! Между тем четверостишие важно отражением в нем воззрений эпохи на физические свойства тел. И вдруг: «увы! нет воды!». «Увы!» можно бы было сказать по поводу всего этого перевода.

Переводчик мог бы догадаться, что Хатайская страна Руставели есть Катай (франц. Катэ) европейской средневековой литературы. Не было надобности превращать ее непременно в «Шин» (§ 364 и мн. друг.) тем более, что этому термину «Шин», т. е. Китай, соответствует не Хата — а Чин-эти грузинского текста, что соблюдено и в переводе (§ 834).

Или, почему, например, исключено из перевода упоминание (неоднократное и далеко не безразличное) Бадахшана? (разумеются особые дала или рубины из этой местности). Между тем по-французски существует даже особый термин (балэ) для обозначения как раз этих рубинов! Впрочем у Руставели встречается и форма «балахш», и от подобной формы, при посредстве итальянского балас-а, произошел и французский «балэ». Таких вопросов можно было бы поставить не мало. Отмечаю лишь часть того, что бросилось в глаза при беглом просмотре.

Беда не велика в том, что перевод превращает «дураджей» (турач) в фазанов (§ 330),

а куропаток в диких голубей (§ 432). Но почему переводить «книгой Священного Писания» «мусафи» грузинского текста, что означает коран (§ 514)? Это уж пахнет передержкой, при том, очень наивной. В других местах (§ 339 и 1144) то же слово переведено правильно. Да там и нельзя было иначе, при одновременном в них упоминании мусульман и Мекки.

Вот еще пример невнимательности. Почему остается без перевода и без упоминания такое интересное слово как «катарга», обозначающее в данном случае галеру (отсюда ведь и русское слово каторга). Это, между прочим, одно из очень немногих у Руставели слов тюркского корня. Переводчик ничего другого кроме «бато», корабля, не мог придумать (§ 596). Но вопроса о надежности его перевода, когда речь идет о терминах военных, морских и пр., лучше и вовсе не касаться.

В более веселом роде такая, например, неточность. Если верить французскому переводу, Нестан-Дареджана, приказывая Тариэлу убить непрошеного жениха, хорезмского царевича, просит его не избивать по-напрасну ни его воинов, ни его волов, ни его ослов (!). В грузинском тексте говорится: не избивай его солдат, подобно скоту или ослам. Впрочем, это четверостишие считается подложным.

Можно, полагаю, воздержаться от дальнейшего нанизывания на нитку подобных «перлов». В смысле соответствия текста оригиналу, перевод вообще производит впечатление крайней неряшливости, распущенной приблизительности, небрежности. В этом отношении ему далеко до английской передачи мисс Вардроп, выполненной так добросовестно и с такой серьезностью.

Разумеется все недочеты и курьезы перевода, о которых шла речь — их многое множество! — могли быть с лихвою возмещены чисто литературными его достоинствами, т. е. если бы перевод этот хоть в какойнибудь степени, хоть какнибудь отражал блеск оригинала.

Нельзя, конечно, требовать от переводчиков невозможного или даже трудно-выполнимого. Что они не гнались за точностью, правильностью и полнотою перевода, в этом легко было удостовериться. Неужели же они ставили себе целью передать по-французски поэзию Ру-

ставели? Им, однако, и самим хорошо известно, что поэтические произведения вообще трудно переводимы. Это повторялось и повторяется на разные лады, и об этом много говорилось по различным поводам именно во французской литературной печати в последние годы. Однако, стихотворный оригинал может быть передан на другом языке с достаточной яркостью и так, чтобы во всяком случае не оскорблялся на каждом шагу вкус читателя. Для этого требуется, чтобы перевод, раз он прозаический, а это сильно облегчает задачу, — был сделан по возможности художественной прозой. В этом отношении главный упрек, который можно сделать французской версии Руставели, заключается как раз в систематическом переполнении ее прозаизмами, недопустимыми в переводе таких поэтических произведений. «К чему твоя интеллектуальная культура, если...» «Она носила красивые туалеты...» Женщина «создает атмосферу доверия...» «Что написать тебе о нынешней ситуации?...» «Говорю тебе это ан тут коннесанс де коз» и т. д. и т. д. «Мужчину позорит безсилие (!), а женщину — истерия (!). Последняя строка, кстати, переведена и неправильно (вместо «безсилие» надо «трусость»), и нелепо, потому что клинический термин «истерия» не передает здесь того, для чего в языке Рабля имеются более конкретные обозначения. Между прочим, это одно из очень немногих грубоватых мест у Руставели (§ 1182).

По этой то, конечно, причине, т. е. из за злоупотребления прозаизмами, из за слишком уж буквально понятой «прозаической передачи» высокое в оригинале стало сплошь и рядом плоским в переводе, все острое — притупилось, а яркое потускнело. В известной степени, этим сопровождается — если угодно, всякий вообще заурядный перевод, но есть все же границы...

Существенным недостатком версии является также стремление оставлять вообще без перевода некоторые слова или выражения оригинала, а иногда заменять их безразличным словесным материалом. Один пример произвольно-го сокращения нельзя не привести.

В трогательном и возвышенном по тону послании Нестан-Дареджан к возлюбленному (Таризу) из плена, она говорит о желании своем

освободиться от «бремени жизни, воздуха и земли»... (§ 1280 франц. пер.). В подлиннике говорится об огне, воде, земле и воздухе. Речь о четырех элементах: все состоит из них. Взгляд этот был всюду распространен в средние века. Переводчикам показалось, что достаточно, по крайней мере для Нестаны, и двух; к чему четыре?

Впрочем, едва ли необходимо приводить дальнейшие иллюстрации вольного обращения с оригиналом. Прибавлю лишь здесь к собранию курьезов этого перевода превращение (§ 1167) евнухов, приставленных сторожить Нестан-Дареджан, во фрейлин или вообще в придворных дам (дам д'оннер). Это тоже — из веселой категории.

Еще — замечание относительно полноты. Разумеется, не обязательно переводить все до последней подробности; допустимы, быть может, и сокращения или упрощения, при передаче, например, словесной, часто стереотипной орнаментации поэмы (имею в виду все эти сравнения с рубинами, яхонтами, хрусталем, эмалью, кораллом, гишером и пр., все эти солнца, луны, планеты, всех этих львов и т. д.). В этой специальной области присущие вообще переводу недостатки — его неточность, небрежность и пр., не так бросаются в глаза, т. е. на них нет основания обращать особое внимание. Все это есть часть, можно сказать, чисто декоративная, и значение ее, вообще, не так уж велико, на наш современный вкус. Если же обратиться к наиболее важным четверостишиям — самым, например, патетическим или самым значительным по художественному в них отражению идей религиозных, философских и политических — достижения переводчиков придется признать более чем неудовлетворительными. Лучшему и большому, что есть в Руставели, здесь определенно не посчастливилось.

В этом переводе и теперь, пожалуй, отыщутся немногие строфы, сравнительно удачно переведенные. Но в целом — он является в лучшем случае черновиком, из которого прежде всего подлежали бы исключению и замене другим переводом безчисленные четверостишия, слишком уже напоминающие по форме школьные упражнения по французскому языку. Затем, не мало строф следовало бы перевести с большим углублением в предмет и с лучшим знанием дел.

Если бы, вдобавок, были исправлены все ошибки, и по такому исправленному переводу прошла бы еще строгая, опытная и, по возможности, талантливая рука французского стилиста, способного схватить все разнообразие руставелевских манер, и всю многозвучность его лиры, тогда мы бы имели хорошую литературную, прозаическую версию «Человека в барсовой коже» на французском языке. До этого еще далеко.

Ничего не поделаешь, для успешного перевода памятников мировой литературы требуются и знания, и талант.

Даже специальная подготовка переводчика, не обеспечивает достоинств его работы, если нет налицо этой редкой вещи, и такой случайной — таланта. Как недавно отмечалось в «Нувель Ревю Франсэз», Чаусеру, например, до сих пор не посчастливилось найти себе настоящего переводчика во Франции, хотя он сам переводил с французского «Роман розы». Между тем, автор «Кентерберийских рассказов», конечно, ближе французам, чем Руставели, да и жил в 14-ом столетии, т. е. двумя почти веками позже. А один из виднейших французских издателей только что жаловался, в другом толстом журнале, на трудность присказания хороших переводчиков, даже для современных литературных романов и напоминал по этому поводу о требованиях, предъявлявшихся Гете к переводчикам художественных произведений. Гете ведь и сам переводил, притом... недурно. Требований этих лучше не приводить. И без них ясно, что такими бедными любительскими средствами переводить симфонического, многогранного Руставели нельзя. Когда читаешь эту бледную, лишнюю всякой сочности и выразительности прозу, невольно приходит в голову, что для г. Гвазава вообще не существовали ни образцы переводов, которыми французская литература достаточно богата, начиная с переложения в 16-ом веке Плутарховых жизнеописаний Жаком Амио и вплоть до новейших переводов, издаваемых под эгидой Ассоциации Гийома Бюде, ни обширная литература старых французских рыцарских романов или их позднейших переделок, в которой всякий более сознательный, и более искусный переводчик искал бы подходящих слов и выражений, раз так

скуден собственный словарь и не хватает вообще литературной изобретательности.

Приходится поэтому повторить: какую же собственно задачу ставили себе переводчики?

В 1912 г. лондонское Королевское Азиатское Общество выпустило английский перевод «Человека в барсовой коже». Уже на титульном листе, под заглавием, читалось: «опыт близкой передачи с грузинского Марджори Скотт Вардроп». А предисловие, написанное братом переводчицы, скончавшейся в 1909 г., до выхода в свет ее труда, Оливером Вардроп — ныне сэром О. В., начиналось словами: «Это — попытка дать точный перевод, слово в слово, книги, которая есть зеркало души культурного народа с большим прошлым. Зеркало повреждено, оно потускнело от времени и невзгод, но усердный труд ученых может скоро вернуть ему утраченный блеск и исправить некоторые повреждения». В предисловии дается затем обстоятельная историко-литературная справка о поэме, а перевод сопровождается на каждом шагу пояснениями и примечаниями. Приложены библиография Руставели, доведенная до 1912 г., и указатели имен и предметов, с приведением всех терминов, по английски и по грузински (в латинской транскрипции), по рубрикам: собственные имена, местности, фауна, флора, минералы, астрономия, религия, ислам, предрассудки и обычаи, социальные отношения и этика, числа, монеты и весы, игры и спорт, морское и военное дело, здания и проч., наконец, музыка.

Перевод так представленный, не заваляясь целью художественно-поэтической, дает, однако, возможность ознакомиться с данным произведением, не только как с памятником художественной литературы, но и как с историческим документом, сложным свидетельством о целой эпохе, очень удаленной от нас во времени. И, несомненно, по такой же программе следовало бы издать в 1938 г. французский перевод, со всеми поправками и дополнениями, отвечающими нынешнему уровню сведений о поэме Руставели. Такая книга отвечала бы, вероятно, интересу к литературе и искусству Востока, очень живому — этого, кажется, можно и не доказывать — в наиболее культурных кругах образованного французского общества. Их уровню и должно бы было отвечать француз-

ское издание Руставели. Возможно, однако, что такая задача была бы не по силам авторам перевода. И они имели, конечно, не только полное право, но и достаточное личное основание ограничиться тем, что они сделали. Издан один лишь перевод, без всяких пояснений и даже без надлежащего общего вступления.

Об одной стороне «Носящего барсовую кожу», а именно, о развитии фабулы романа в тесном смысле слова, т. е. о его завязке, перипетиях и конечной развязке, французский перевод дает, конечно, полное представление. Но как раз это в произведении Руставели есть вещь сравнительно второстепенная, при всем его большом искусстве рассказчика. Не эту сторону своей он принадлежит большой литературе. Но она, т. е. рассказ о приключениях, счастья и несчастьях рыцарей, освобождения красавицы из плена и т. д. есть то, что доступно решительно каждому. Все это как раз и выдвинулось на первый план во французском переводе; и это естественно, потому, что главное, основное и наиболее ценное так и не получило в нем своего выражения. В переводе этом все, если можно так сказать, подстрижено под гребенку ординарности и обыденности. Но быть может переводчик ставил себе как раз эту задачу? В таком случае ее можно считать выполненной, и она вполне отвечала его средствам.

Рассказ сам по себе очень интересен. Герои его говорят здесь большею частью самым обыкновенным, будничным языком. Нет примечаний, разъяснений, ссылок, способных отпугнуть «обыкновенного» читателя. Он, очевидно, не будет подходить к этой книге — изданной просто и хорошо — со знанием оригинала. Быть может, имелся даже специально в виду

читатель литературно неискушенный и даже сравнительно малокультурный; читатель, способный попросту найти себе здесь интересное чтение, и об этом собственно и заботились переводчики? В добрый час! Но тогда нужно было идти смелее и сознательнее по пути упрощения и приспособления.

Любопытно, что право переделки романа для кинематографа, а также представления на театре в любой стране (?) издательство оставляет за собою. Едва ли можно сомневаться в возможности извлечения из поэмы Руставели эффектного сценария. (О коммерческой его ценности судить, впрочем, не берусь). Для этого к услугам специалистов имеется кроме новейшего, ныне изданного французского перевода, еще хорошая стихотворная обработка по немецки Артура Лейст (Дрезден и Лейпциг. 1889) и английская версия Вардроп, о которой упоминалось выше, не говоря о русских переводах (сначала Бальмонта, а теперь — и других). Но и попытка прямого приспособления для сцены была сделана уже давно — в 1901 г.*).

От Рустава, в Грузии, до Холливуда дистанция, конечно, не малая. Но было бы хорошо, если бы «Носящий барсовую кожу» ее преодолел и доскакал до хорошей кино-студии на своем вороном коне. Быть может в этом беге ему окажется полезным французский перевод? Тем лучше.

Жаль, однако, что такое высокое произведение искусства и мысли не нашло себе еще достойного выражения на французском языке.

*) Р. Кинвари. В барсовой коже. Картины для сцены. ОПБ. 1901. Под псевдонимом Р. К. скрывался, помнится, инж.-технолог Р. Н. Казбек.

З. А.

К событиям на Дальнем Востоке

В то время, как большевицкие листки, стремясь возложить на японское командование свою же собственную агрессию, захлебываясь, рассказывают о «доблестях», проявленных якобы красными

воинами во время боев в районе озера Хасан, когда тот или другой мифический «участник» красочно описывает свою удачу, озираясь все время на «любимого шефа» — говорит же доблест-

ный капитан Стеженко в **Правде**, что красноармейцы шли в атаку с криком "ура! да здравствует великий Сталин!" (скажем, кстати, ни один из российских императоров не удостоился этой чести со стороны русского воинства!..) — посмотрим, что говорят о том же другие. Мы нарочно не приводим оценки самих японцев, которых могут заподозрить в пристрастии. Возьмем лучше иностранные свидетельства, при чем, в большинстве своем, исходящие от источников не особенно то благоволящих к японцам.

Вот что пишет корреспондент "Фелкишер Беобахтер".

«Люшков говорил, что 40 проц. снарядов артиллерии РККА не взрываются.

Я собственными глазами убедился в правоте этих слов. Я видел также появление над высотой Чжанкуфен двух советских бомбовозов. Зенитная артиллерия японских войск немедленно открыла по ним огонь и при том демонстрировала такую поразительную меткость, что советские самолеты в явном перепуге поспешили ретироваться обратно в пределы своей территории».

Представители иностранной прессы, побыв на месте боя, выслушали рассказ начальника N-ского японского отряда о том, как чины данного отряда сбили несколько советских самолетов ружейным огнем.

С первых же дней сражения, красноармейцы, которым "везло", стали сдаваться добровольно в плен. Боязнь дезертирства была так велика у большевицкого командования, что танкистов посылали вперед, заранее **заперев снаружи в машинах...**

9-го августа группа иностранных корреспондентов на фронте боев беседо-

вала с советскими дезертирами. Вот этот интересный диалог:

Корреспонденты: Намерен ли СССР воевать с Японией?

Красноармейцы: Мы слышали от начальства, что РККА дерется потому, что японские войска захватили часть территории СССР... Однако, на фронте наблюдаются такие картины: очутившись в опасном положении, танковая часть обратилась за поддержкой к пулеметным командам, но последние не предприняли ничего для помощи танкистам. **Разве при таких условиях может кто либо воевать от сердца за родину?**

Корреспонденты: Говорят, что советское командование ставит на первую линию огня арестантов. Правда ли это?

Красноармейцы: Хотя в рядах выдвинутых на линию огня у высоты Чжанкуфен передовых советских частей и имеется некоторое количество арестантов, но не все передовые цепи состоят лишь из арестантов.

Корреспонденты: А другие ваши соратники также помышляют о побеге?

Один из красноармейцев: Как другие соратники — я не знаю, но вот мои друзья, также находящиеся на данном фронте, **определенно думают о побеге и ищут подходящего для того случая.**

Корреспонденты: Что вы можете рассказать о ваших боевых впечатлениях?

Красноармейцы: Некоторые наши командиры часто пропадали с переводой линии. Маршал Блюхер отдал строгий приказ о соблюдении в передовых частях должной дисциплины, и некоторое время после того действительно соблюдалась дисциплина, но вскоре воинский дух в передовых частях снова пропал.

Корреспонденты: А каков боевой дух главного кадра командиров?

Красноармейцы: Партийцы - коммунисты и комсомольцы проявляют, в общем, довольно высокий боевой подьем, и и то на разный лад. Многие из них лишь внешне демонстрируют свой боевой пыл, а в душе трусят.

Корреспондент: Хорошо ли заботятся командиры низших рангов о рядовых красноармейцах?

Красноармейцы: Конечно, непосредственные командиры должны были бы, собственно, проявлять любовь и заботу по отношению к красноармейцам, но в красной армии это только пишется, а на деле обстоит не так. Очень туго приходится красноармейцам в отношении обмундирования, пищи и прочего довольствия...

Корреспонденты: Думают ли ваши о ведении войны с японскими войсками в крупном масштабе?

Красноармейцы: Наши сознают, что это нам не под силу.

Корреспонденты: Почему?

Красноармейцы: Наши знают свою слабость. Например, я слышал, что один командир танкового батальона пытался сдать японцам. Его попытка обнаружилась и его расстреляли.

Корреспонденты: Пытался ли он сдать со своими людьми?

Красноармейцы: Он хотел совершить побег со своими людьми и танками.

Корреспонденты: Как вы узнали об этом?

Красноармейцы: Слыхали от товарищей - красноармейцев на передовой линии. Слыхали также, что один командир пулеметной роты не отдал во время приказ открыть огонь; тогда один младший

командир этой роты, с криком "троцкист", застрелил своего начальника. Слышали также, что один старший политрук, прибыв в один батальон на передовой линии, в течение некоторого времени сам стрелял из пулемета по японцам, а затем повернув, ни с того ни с сего, дуло пулемета против своих, перебил много красноармейцев.

Корреспонденты: Совершаются ли расстрелы красноармейцев и в мирное время?

Красноармейцы: Широким массам об этом неизвестно, но мы знаем о таких случаях из бесед с товарищами.

Пленные определяют количество войск сражавшихся против японцев в четыре дивизии.

Большевики утверждают, что они "взяли обратно" высоту Чжанкуфен, тогда как, все иностранные источники, не говоря уже о японских, утверждают, что все атаки большевиков, несмотря на их авиацию, танки и пр., были отбиты каждый раз японцами, которые отошли от занятой ими с 31 июля позиции лишь после перемирия. При чем несколько советских самолетов и десятки танков были выбиты из строя.

Что же касается до поведения японцев, все иностранные наблюдатели сходятся на том, что во первых, оно было выше похвалы с точки зрения стойкости и мужества, а во вторых, японцы вели себя весьма умеренно и даже не сочли нужным пустить в ход свою авиацию.

Вот, что говорит по этому поводу корреспондент агентства Рейтер, англичанин Морис Дальтон — а известно, что политика английских кругов в данном

случае, не особенно то благоприятна для Японии:

— Я участвовал в европейской войне в качестве офицера авиации и видал жестокие боевые схватки, но происходившая ныне перед моими глазами картина боя по ожесточенности далеко превосходит все, что пришлось мне видеть в европейскую войну.

Образ японских пехотинцев, стойко и непоколебимо защищающих свои позиции под ураганным советским огнем, произвел на меня глубочайшее впечатление. Героизм японского солдата воистину превосходит все похвалы. На всю жизнь в моей памяти останется яркая картина исключительного героизма чинов японских войск, которые своей грудью самоотверженно и с непревзойденной доблестью отстаивали высоту Чжанкуфен под градом рвущихся бомб с самолетов и ураганным огнем артиллерии советских войск.

Поразила меня и исключительная дисциплинированность японских солдат, с абсолютной точностью выполняющих приказы своего начальства... На протяжении всего нынешнего инцидента ими свято соблюдался приказ: отражать, но не преследовать неприятеля.

Вот что говорит американец Уайт из "Ассошиетед Пресс" — и нечего здесь напоминать про американо-японские отношения:

— Дождь снарядов засыпал японские войска и, казалось, для всякого человека такая убийственная бомбардировка была бы невыносимой, но японские солдаты остались на месте, бесстрашно продолжая отстаивать свои позиции.

Из всех фактов нынешнего пограничного инцидента у меня сложилось такое впечатление, что японские войска никаких мер активного выступления не предпринимали и лишь защищались, а советские войска проявляли явную агрессивность.

Корреспондент "Дейче Альтгеймеин Цейтунг", Иоган Невель говорит:

— Прежде всего я хочу подчеркнуть, что если инцидент не получился и не получит

большого развития и заострения, то — этим всецело обязаны той позиции максимальной выдержки, которую чины японских войск непоколебимо сохранили до конца, жертвуя своими жизнями.

Во вторых, я должен с восхищением отметить исключительную дисциплинированность и высокий дух воинской доблести всех чинов японских войск: подвергаясь провокационному огню советской артиллерии и бомбовозов, японские войска, при желании, свободно могли бы предпринять меры реванша, но они сознательно воздержались от активных нападений.

Наконец, вот что радиорепортирует представитель американской компании "Колумбия", г. Уильс, находившийся с 8 по 14 августа на месте сражения:

— Все исторические данные свидетельствуют о том, что до нынешнего инцидента, ни царская Россия, ни СССР никогда не претендовали на то, что район Чжанкуфен входит в пределы России...

Я узнал из рассказа пленных советских красноармейцев, что советское командование сосредоточило на линии конфликта 20 тысяч солдат пехоты, 70 тяжелых и легких полевых орудий, 250 танков и многочисленную горную и траншейную артиллерию.

Вернувшись 30 июля обратно в свои руки высоту Чжанкуфен, высоту «52» и высоту Чацзофен, японские войска с тех пор не предпринимали со своей стороны абсолютно никаких агрессивных действий и ни на шаг не сдвигались вперед с этих пунктов, но и не отступили с них ни на шаг.

Советские же силы проявляли непрерывную агрессивность...

Японские самолеты не выступали ни разу, несмотря на то, что они могли бы, при желании, выступить в любой момент — японцы имели в тылу наготове свои авиационные силы...

Около 10 часов утра 9 августа... советская артиллерия начала ураганную бомбардировку. На моих глазах, через какой-нибудь час времени, покрытая до того густой зеленью вершина высоты Чжанкуфен оказалась превращенной буквально в лысую

сопку. И под этим градом снарядов японские части не сдвинулись ни на шаг с высоты. Советская артиллерия обрушила затем свой ураганный огонь на высоту «52», но и здесь японские части не сдвинулись ни на йоту со своих позиций...

С полным убеждением могу категорически заявить, что если переговоры на месте закончились бы неудачно и боевое столкновение возобновилось бы снова, советские войска и далее не смогут с успехом драться против японских войск.

Вот что говорят нейтральные, безпристрастные свидетели. Перед этими показаниями аляповатая «агитка» большевиков, как например, в линии огня занимались-де выборами в партию и пр., — кажется запоздалой, ребяческой реакцией на пережитый жуткий момент...

Пока что дорого обошлась «маршалу» Блюхеру его «проба сил»: по офи-

циальным японским подсчетам, в происшедших боях большевики потеряли убитыми и ранеными около 4.500 человек, подбито 69 танков, разбито 16 орудий, 7 аэропланов, множество пулеметов и пр. Взяты японцами как трофеи: 105 винтовок, 2 миномета, 3 автоматических винтовки, 1 цилиндрический бомбомет, 44 ручных гранаты, снаряды танковой артиллерии и пр.

Корреспондент «Ангрифф-а», д-р Ивар Лисснер, подводя итоги боев, говорит:

— В этой схватке дух воинов японской армии оказался выше советской техники... События эти показали, что никакой мощью советская армия не располагает.

Эту истину должны воспринять все те круги, которые хотят зажечь всемирный пожар, спекулируя «мощью» советской армии...

**
*

Обзор печати

Кошмары газеты „Айреник“

Нам уже приходилось указывать, какое исключительное внимание уделяет армянская эмигрантская печать нашим изданиям и политическим взглядам нашей группы. На протяжении многих месяцев нынешнего года руководящие статьи самых крупных армянских органов посвящены полемике с нами. Это было бы и интересно и, конечно, полезно, если бы не предвзятые точки зрения, с которых никак не может сдвинуться политическая мысль армян. Еще того хуже: имеется налицо тенденциозное, заведомо ложное изложение, прямо таки искажение наших слов, полемическое приписы-

вание таких мыслей, которых никто никогда не высказывал. Газета бостонских дашнаков «Айреник», воспроизводя статьи «Кавказа» почти из номера в номер, все время навязывает нам свои собственные кошмарные идеи:

«Раз навегда должно быть ясно для сгруппировавшихся вокруг «Кавказа» деятелей, что доколе азербайджанские турки в горцы будут думать о приводе Турции на Кавказ для своего «спасения», доколе армяне и грузины для своего же спасения будут искать помощи России». («Айреник», № 7919, 24 мая).

Красной нитью проходит этот тезис сквозь все писания «Айреника». Но когда же мы говорили о «приводе» Турции?

Мало того. Армянскую газету не разубеждает даже статья истанбульской "Сон Поста", приводимая ею со страниц "Кавказа". Ведь известно, что автор этой статьи турецкий публицист Мухиттин Бирген как раз ограничивает политические задачи Турции, в частности выставляя принцип невмешательства в кавказские дела. Тем не менее "Айреник", вопреки словам, пытается читать в мыслях:

Не трудно видѣть, что политик турецкой газеты неискренен в своих высказываниях и скрывает свои настоящие мысли, руководствуясь дипломатическими соображениями и счетами. Нет никакого сомнения, что Турция имела до сих пор, как имеет в настоящее время к находящимся за ее пределами тюркским племенам больше интереса, чем хочет представить «Сон Поста». Если Анкарское правительство для виду показывает себя индифферентным по отношению к этим племенам и не хочет открыто оказывать им помощь, настоящую причину этого надо искать не в его индифферентизмѣ, а в том, что не настало еще время для вмѣшательства («Айреник», № 7839).

И далее газета резюмирует:

Ни публичные выступления кавказцев-туркофилов, ни турок Турции не могут служить для нас гарантией тому, что Турция, в действительности не имеет видов на Кавказ.

Туркофилы из «Кавказа» могут приводить сколько угодно аргументаций к тому, что Турции выгодно интересоваться независимостью Кавказа и даже помочь ему, но Турции более выгодно присоединить к себе Кавказ в подходящий момент.

Мы уверены, что когда политические условия будут благоприятны для нея, Турция не замедлит отбросить свой кажущийся «индифферентизм» по отношению к Кавказу и последовать совершенно иной, для нас пагубной пантуранской политике, как это она сделала в 1918 году».

Если действительно никакие заверения не убеждают, остается жить собственными кошмарами. Тут уж ничего не поделаешь.

Керенский среди Армян и тяга к России

Та же газета бостонских дашнаков "Айреник" напечатала в № 7862 не лишнюю политического интереса беседу своего главного редактора товарища(?) Рубена Дарбиняна с экс-председателем российского Временного Правительства А. Ф. Керенским. Вот вопросы и ответы собеседников:

Р. Дарбинян. — Каковы были те источники, на основании которых, приблизительно два года тому назад, Вы написали в журнале «Новая Россия», что между Турцией и Советским правительством заключен договор, по которому Турция берет на себя защиту кавказского фронта в том случае, если Россия будет вести войну с Германией и Японией?

А. Ф. Керенский. — Это сведение я получил из заслуживающего доверия дипломатического источника. Но должен прибавить, что отношения двух союзников заметно охладели за последние два года, как это видно из симпатий, питаемых Турцией к западным державам и из все возрастающего подозрения, с которым относится Россия к Турции.

Р. Дарбинян. — Делают ли русские либеральные и демократические группировки попытки столкнуться с другими народами Советского Союза, в виду возможности падения Советской власти?

А. Ф. Керенский. — За исключением армян, среди остальных народов, составляющих часть России, нет ни одного, который выразил бы желание столкнуться с демократической Россией. Все они ставят условием абсолютную независимость и более или менее строго преследуют цель отделения от России.

Р. Дарбинян. — Это относится и к грузинам?

А. Ф. Керенский. — Среди них есть бывший член Госуд. Думы и бывший член моего кабинета П. Церетели и некоторые другие, как он, грузины, которые согласны сохранить связи Грузии с демократической Россией, но они не осмеливаются публично высказывать свое мнение, боясь вызвать неудовольствие масс. Можно, однако, сказать, что грузины предпочитают быть связанными с Россией — вернее ищут защиты России — чем с Италией, Германией, Турцией или с другой нацией. Они понимают все значение защиты со стороны великой державы.

Р. Дарбинян. — Как вы представляете будущую Россию?

А. Ф. Керенский. — Федерация свободных государств или племенных единиц, организованная по примеру Британского союза. Мы полагаем, что эта программа удовлетворяет все народы, живущие в России и мы надеемся прийти с ними в соглашение на основе выставленных ими в этом направлении требований.

Что касается армян, мы очень довольны их отношением...

Р. Дарбинян. — Делаются ли в настоящее время попытки организовать общий фронт против большевиков?

А. Ф. Керенский. — К сожалению мой ответ на этот вопрос отрицателен. Попытки в этом направлении были сделаны, но не дали результатов. Между мною и лидером либералов-демократов проф. Меллюковым осуществляют дружественные отношения, но не больше этого».

Знаменательно и интересно утверждение Керенского, что политическая позиция армян в отношении России радикально расходится с позицией всех остальных народов, объединенных былой империей. Еще знаменательней, что бостонская газета дашнаков этого мнения не оспаривает.

Но даже такое молчаливое признание газеты "Айреник" не удовлетворяет издающуюся в том же Бостоне газету "Пайкар", выражающую, как известно,

тенденции партии Рамкавар. Обсуждая изложенную беседу в № 77, "Пайкар" обрушивается на дашнаков, готовых "забыть Россию", и высказывает по этому поводу следующие удивительные суждения:

Керенский должен был бы знать, что говоривший с ним представляет только людей эмигрировавшего из Армении бывшего правительства, а настоящий армянский народ, независимо от сложности и опасности своего положения, с инстинктивным здравомыслием понимает, что безотносительно к режиму, тесная связь с Кавказскими народами и с Севером означает для него: свобода, мир и преуспевание во всех отношениях.

Во избежание неясностей газета прямо переходит к славословию советского режима:

Армянский народ помнит, что Керенский, когда был главой правительства, палец о палец не ударил и ничего не мог сделать для него и даже не захотел перевести с Западного фронта солдат-армян на турецкий фронт, как об этом его просили, для обеспечения безопасности Кавказских армян и для защиты завоеванных у Турции областей. Наконец, армяне сами могут обсудить и понять, что из всех русских режимов один лишь Советский наиболее лояльно признает на деле права национальностей, в том числе даже самых маленьких и слабых, а потому, не будучи в малейшей степени против России, армяне не хотят иметь дела и связи с какими бы то ни было антисоветскими элементами и группировками, каковы бы ни были в эмиграции их слова и обещания.

Странная все же у армян эмиграция, и пора, наконец, это определить с полной точностью: с кем армяне? Действительно ли они с Москвой против всех остальных подневольных народов России, как это охарактеризовал Керенский?

Курортные достижения

Правда поместила недавно статью В. Финка, рисующую порядки на кавказских курортах. Речь идет о Цхалтубо, где излечиваются “ревматизм, артриты, ишиас, воспаления нервов, некоторые болезни сердца, последствия разных инфекционных болезней” и пр., и воды которого “не имеют равных ни у нас, ни за границей”.

«Столоваться больной вынужден в единственном здесь ресторане Курснабторга. Ресторан снаружи выглядит нарядно, очень ярко освещен по вечерам. Но столоваться здесь не приходится. Если посетитель поборет в себе брезгливое чувство, вызываемое грязью помещения, видом и запахом еды, и все же решится поесть, то он обеспечит себя расстройством желудка».

В ларьках и магазинах Курснабторга можно найти всяческие ненужные для больного предметы,

«но купить стакан молока или хотя бы банку молока в консервах негде».

Теперь о лечении:

«Всюду давка, толчая. Больной не может попасть к врачу, в купальных заведениях — очереди и теснота...»

В поликлинике в очереди к врачу нужно выстоять несколько часов. На каждого врача приходится по несколько десятков больных в день. Ясно, что ни о каком действительном лечении и речи быть не может. Роль врачей, по их собственному признанию, сводится к простой регистрации больных...

Давка происходит и в самих купальных заведениях. В бассейне источника №1, едва вмещающий 60 человек, набивается до сотни больных. Они сидят в бассейне, как шпроты в банке».

Отдельные кабинки с ваннами недоступны:

«больные ждут неделю, но в ванну попасть не могут: кабинок всего 8».

А кандидатов до 500-600 чел.

В одном из предыдущих номеров той же Правды была помещена статья о порядках, царящих в лечебных санаториях в Крыму. “Путевки”, оказывается, выдаются туберкулезным, а на дороге их задерживают на какой-то станции — санатории еще не готовы. И больные остаются ждать очереди, перемешиваясь с нетуберкулезными. Врачей не хватает, а с больных “Союзкурорт” дерет дорожку, чем стоит их самая “путевка”, есть дают дрянь, а больных размещают так, что местность или способ лечения являются для них противопоказными и т. д. и т. д.

В этих описаниях так и видишь большевицкую пустоту за пышными фасадами их пропаганды.

Поэтический Азербайджан

“Выборная лихорадка” нынешнего лета, как и следовало ждать, была выражена советской прессой на все лады, сходящиеся в одном: энтузиазм и только!

Среди этой осанны, мы находим в Правде одно стихотворение об Азербайджане, поэта Самеда Вургуня, “орденосца” и кандидата в депутаты “Верховного Совета” Азербайджана, в переводе А. Адалиса. Выбросив из этого стихотворения последние — увы неизбежные — строки, касающиеся “шефа”, и делая оговорку относительно слова “колхоз”, получаем следующее поэтическое описание одного из богатейших уголков нашей общей родины.

...Пусть Баку мой неведомый гость навестит:

Миллионами солнц его ночь поразит.
Если северный ветер на вышках гудит,—
Откликается эхом песчаный простор,
Подусовные горы ведут разговор...

Можно-ль мать у ребенка украсть? —
Никогда!
Ты — дыханье мое, ты — мой хлеб и
вода!

Предо мной распахнулись твои города.
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе
дан,

Азербайджан, Азербайджан!

Рано утром, поэт, путешественник,
встань!

Погляди Астарту, погляди Ленкорань.
Из Египта, из Индии в раннюю рань
К нам слетаются птицы, ликуя, крича,
Словно вырвались из кулака палача!

В Ленкорани цветы и свежи, и стройны,
И прекрасны, как женщины нашей
страны,

И амбары колхозные хлебом полны,
Белый хлопок седеет, как снег на горах,
Сок лозы виноградной кипит в погребах.
Выпей утром, когда еще море темно,
Этот сок, еще не превращенный в вино, —
Будет силою все твоё тело полно!

Сила солнца — наш верный союзник в
борьбе, —

И в работе она да поможет тебе.
Сядь в Казахе на красного с искрой
коня,

Приласкай его, добрую дружбу храня!
Он тебя понесет мимо шумного дня
На вершины Канеза, где холод остер:
Погляди на Гой-гюль, королеву озер.

О страна моя, родина музыки — ты.
Твои песни, как летом плоды, налиты!
Ты — серебряная колыбель красоты!
Сгусти музыки — тысячи наших сер-
дец,

В каждом малом селе есть любимый
певец.

Не умрет Несими, не умрет Физули, —
Дорогие поэты старинной земли,
Как туманные звезды, мерцают вдали...
Но родятся здесь много таких, как они, —
Это — близкие, это — земные огни!

Можно ль песню из горла украсть? —
Никогда.

Ты дыханье мое, ты — мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города...
Весь я твой, навсегда в сыновья тебе
дан,

Азербайджан, Азербайджан!...

Х Р О Н И К А

† КН. Н. С. ТРУБЕЦКОЙ

В Вене нынешним летом скончался проф. Венского Ун-та, ученый лингвист, кн. Н. С. Трубецкой. Известны его исследования в области северо-кавказских языков, особенно, черкесских.

«СОВЕТЫ ТРЕБУЮТ ВОЗВРАЩЕНИЯ КАРСА И АРДАГАНА».

Итальянская газета «Популо ди Рома» поместила нынешним летом сообщение своего корреспондента из Бейрута, якобы советское правительство требовало от Турции возвращения вилайетов Карса и Ардагана, присоединенных к Турции на основании договора 1921 г.

РУССКИЙ ПАТРИОТИЗМ СТАЛИНА

Газета «Правда», личный орган Сталина, подвергла жестокой критике «Малую советскую энциклопедию за то, что обойдены молчанием: победа Александра Невского и избавление от татарского ига. Газета жалуется еще, что Куликовской битве отведено всего десять строк. Энциклопедия неправильно освещает также борьбу русского народа с Наполеоном. Даже в 6-ом томе, вышедшем в этом году, не сказано ни слова о том, что Наполеон был побежден русскими, и что судьба его решилась на полях России. Зато подчеркивается, что его разбили соединенные англо-прусские армии под Лейпцигом и Ватерлоо.

Отсутствует описание борьбы Кутузова, победы русского флота над турецким и много других славных событий, свидетельствующих о героической храбрости русского народа. В результате главный редактор энциклопедии Мецдеряков устранил от должности и вся энциклопедия будет пересмотрена и перепечатана.

БОЛЬШЕВИЦКАЯ ПОМОЩЬ КИТАЮ.

Почти все иностранные резиденты Шанхая разделяют тот взгляд, что инцидент у высоты Чжанкунфен был создан со стороны СССР вполне сознательно и по заранее проработанному плану с целью помешать продвижению японских войск к Ханькоу. Ряд фактов свидетельствует, что по мере приближения японцев к Ханькоу активная помощь со стороны СССР генералу Чан Кай Шеку становится все более откровенной.

По сведениям иностранных кругов, в Ханькоу находится несколько десятков советских офицеров на ролях военных советников и около 400 советских летчиков. Доставляются интенсивно из СССР тяжелые бомбовозы и прочее современное оружие советского производства. Из советских летчиков сформированы специальные авиационные отряды, действующие под руководством особого своего командования, Чан Кай-Шеку не подчиненного. В общей сложности, в Ханькоу и Наньчан доставлено 600 советских танков.

Можно сказать, таким образом, что завязывающееся сражение за обладание Ханькоу фактически превращается в некоего рода японо-советское вооруженное столкновение.

Взамен всего этого, Китай снабжает СССР чаем и другими товарами.

НАРОДНЫЙ ТЕРРОР В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

В сел. Карабаглар, около Ганджи, убиты две «стахановки» - азербайджанки и один активист, выдававшие «врагов колхоза».

По секретному сообщению Багирова, за одну неделю в середине апреля было убито шесть «активистов»: два секретаря парткомов, два профработника, председатель ж. д. месткома и следователь Госбеза.

ИЗ КОГО СОСТОИТ ПРЕЗИДИУМ «ВЕРХОВНОГО СОВЕТА» И НОВОЕ «ПРАВИТЕЛЬСТВО» АЗЕРБАЙДЖАНА.

Председателем президиума «Верховного Совета» Азербайджана оставлен тот же Мир Башир Касумов, который заменил недавно на посту председателя ЦПК-а Азербайджана Султан Меджида Эфендиева, ныне или расстрелянного или ждущего своего «процесса» в тюрьме.

Заместителями председателя «выбраны»: Рагимов Мамед Али, депутат из Нахичевани и Карнарян Гайк, из Карабаха.

Секретарь — Алиев Азиз, депутат из Лачина (бывшее Герюсы).

Члены: Арутюнова София, Бала-Ахмедов Бала-Ахмед, Багиров Мир Дасафар (он же генеральный секретарь ЦК партии), Ванесов Арсен, Елчиев Вели, Еременко Иван, Зульфугаров Аждар, Касумов Махмуд, Нагиева Виби-ханум, Самед заде Эмрулла, Сулейманов Умуд, Чайко Петр, Челлаков Петр.

А вот новое «правительство»:

Председателем Совнаркома остается тот же Кулиев Теймур, заместителями — Борщов Тимофей и Аллахвердиев Наджар Кули; председатель «Плановой комиссии» — Ислам заде Ислам. Комиссары: внутренних дел (он же шеф ГПУ) — Раев Михаил, пищевой промышленности — Адамян Петрос, легкой промышленности — Шахвердиев Гаджи Ага, лесной промышленности — Алиев Алекпер, земледелия — Алиев Ахмед, финансов — Самедов Мир-Абталыб, торговли — Азизбеков Азиз, юстиции — Рахимов Гаджи, здравоохранения — Фараджева Кюбра, местной промышленности — Касумов Салим, просвещения — Мамедов Мирза, коммунального хозяйства — Ибрагимов Гусейн, соц. обеспечения — Баба заде Лейла.

Как видно из списка, две азербайджанки призваны также «править» страной. Вот мы каковы!

АЗЕРБАЙДЖАНКА — ДИРЕКТОР ЗАВОДА.

Депутатка «Верховного Совета» Азербайджана, инженер Аза Мустафабекова назначена директором одного из крупнейших предприятий — нефтеперерабатывающего завода «им. Андреева». До своего «выдвижения», Мустафабекова работала на этом заводе начальником цеха.

НА НЕФТЯНОМ ФРОНТЕ.

По заданию «товарища» Кагановича, в 1938 году нефтяники Азербайджана должны заставить работать 2.000 скважин из числа бездействующих (которых, повидимому, несколько тысяч). Однако, «борьба» на «скважинном» фронте ведется, по словам местной печати, «исключительно плохо и медленно». В первом полугодии вместо 1.200 простаивающих скважин, по всем нефтетрестам пущено всего 547 — меньше половины; а в июне, вместо 180 по плану, пущены 73 простаивающих скважины. Ни один нефтедобывающий трест не выполнил плана.

КАЧАХ НАБИ.

Молодой азербайджанский фольклорист Таиров написал книгу о пресловутом беглеце Наби, одно время нагумевшем своими смелыми набегам. Книга записана со слов жителей сел Кубатлы, г.г. Шуши, Ордубада и Ганджи. Разумеется Наби, в советском изображении, «крестьянин, поднявший восстание против царских колонизаторов»... А теперь, будь он жив, новые господа положения преследовали бы его как «кулака», «диверсанта» и... «троцкиста».

АЗЕРБАЙДЖАН.

ЭКСПОНАТЫ НА НЬЮ-ИОРКСКОЙ ВЫСТАВКЕ

Азербайджан также готовится к Нью-Йоркской выставке 1939 года. Среди многочисленных экспонатов более или менее технически «петрольного» характера, будут находиться также образцы художественного творчества самого народа, представленного кубинскими, шемахинскими, карабахскими коврами, художественной вышивкой, резьбой по дереву, кости, меди, художественной керамикой.

Предполагается также заснять на киноленту постановку оперы «Кер оглы», отрывки из других азербайджанских опер, а также выступления хора Азгосфилармонии и ашугов Азербайджана.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Дабы поддержать дух несчастных забытых «граждан», большевицкие заправилы весьма поощряют «зрелища» — за отсутствием хлеба. С некоторого времени, введено в обычай устройство «карнавалов» — эта буржуазно-праздничная мода не пренебрегается «трудящимися».

В Баку был устроен «грандиозный» карнавал в городском саду, с разными аттракционами, такой же карнавал был устроен в Тифлисе. Устроители, дабы популяризовать это начинание выпустили в обращение казенные «стихи» какого то поэта, за подписью «Мух-Ганд» — должно быть, ностальгическая эвocation общественного сада Тифлиса, переименованного теперь в «Парк культуры и отдыха».

Вот перлы из этих стихов, размноженных в 7.000 экземплярах и отпечатанных в партийной типографии.

«Сердце на карнавал пойдем с тобою,
Спасибо, сердце, что я уже купил себе билет».

Или же:

«Капитан, капитан, подтянитесь
Тридцатого, ведь, в парке карнавал».

Одним словом, что ни стих, то «пердо».

ХАНСКИЙ ДВОРЕЦ В НУХЕ.

Нухинский ханский дворец, известный как один из замечательнейших архитектурных памятников Азербайджана XVIII-го столетия, приходит в упадок: начала отходить покрытая росписью штукатурка одной из стен, разрушаются художественно отделанные витражные окна и т. д. Известно, что дворец этот отличался изумительной росписью своих потолков и стен, единственным в своем роде старинным гипсовым потолком, художественными зеркальными сталактитами, тонкой резьбой по дереву, украшающей двери, окна и пр. Дворец нуждается в ремонте.

«ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ» ГРУЗИИ.

Председателем президиума «Верховного Совета» Грузии «единогласно» избран Филипп Махарадзе, а «замами» — Делба и Дабугадзе.

Из 237 «депутатов» «социалистического парламента» сов. Грузии — 186 грузин, 13 армян, 7 русских, 7 азербайджанцев, 7 осетин, 5 аджарцев, 5 абхазцев. В числе «депутатов» — 59 женщины. 170 «депутатов» — члены партии и кандидаты, 58 — беспартийные.

«ЧЕСТЬ» МДИВАНИ.

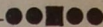
Погоня за злободневными темами, где бы авторы сумели показать всю их «любовь» к соц.

отечеству, а главное к «шефу народов», приводит к тому, что в большинстве случаев вместо образцов литературы или театрального произведения получается «халтура». Так случилось и с молодым грузинским драматургом Мливани, который написал пьесу «Честь» с фатальным подразделением героев на «своих» и «вра-

гов народа», и с обычным «разоблачением» последних первыми. Дошло до того, что «Литературная Газета» назвала пьесу Мливани «безмерно-жалкой стряпней», «чепухой», а самого автора — «завистливым, но неудачливым драматургом».

Так ему и надо!

Письмо в редакцию

М. г. г. редактор,

Прошу не отказать в помещении этих нескольких строк в ближайшем номере «Кавказа».

В № 12 журнала «Казачий Голос» по просьбе кн. Дата Вачнадзе напечатана «поправка», в которой Д. Вачнадзе между прочим говорит о том, что «никогда не занимал резко враждебной позиции по отношению к Турции»... (подчеркнуто мной).

По этому поводу позволяю себе заявить, что вся деятельность кн. Вачнадзе за эти последние годы, отразившаяся в ряде его публичных выступлений, была направлена к тому, чтобы оправдать и укрепить в кавказцах, в частности в грузинах, именно эту свою анти-турецкую позицию. Пока Кавказ ведет борьбу за свое освобождение от большевицкого ига князь Дата, быть может, незаметно для себя, скатился на русские рельсы, и очень недоволен, что этого обстоятельства мы не упустили из вида. Но ведь так поняли последнее его выступление не только мы, но и все его единомышленники, рус-

ские, и казаки, присутствовавшие на докладе. Этим объясняется и тот ласковый отзыв о докладе Вачнадзе, который был дан в органе защиты русского великодержавия «Бодрости». Этим же обстоятельством в значительной степени было продиктовано и мое выступление с докладом в обществе изучения Кавказа, на котором отсутствие кн. Вачнадзе вызвало не малое недоумение среди присутствовавших кавказцев, а в особенности среди армян. Самый факт создания армяно-грузинского униона, душой которого являлся не кто иной, как кн. Вачнадзе, не мог бы иметь места, если бы армяне не уверовали в резко-враждебную позицию к Турции князя Вачнадзе. Ни для кого не секрет, что и мы были бы рады сотрудничеству с армянами, но не этой ценой. Если сегодня мой друг Дата Вачнадзе публично отказывается от позиции вражды к Югу, т. е. к Турции и к Ирану, то я, положив руку на сердце, не вижу больше между нами никаких точек расхождения.

Тем лучше для общего дела.

Тамбий Елекхоти.